

VERONICA ENKO

САТРАМ

ТОМ I

ДО ШРАМА

SCI-FI ROMANCE

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Veronica Enko

Саграм. До шрама

<https://litres.ru/74163344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад Лисса провела ночь с мужчиной, которого больше никогда не надеялась увидеть.

Теперь он снова появился в её жизни.

Только Касл не человек.

Он принадлежит к вымирающей расе с далёкой планеты Омега. Его народ обречён на исчезновение, и Земля может оказаться их последней надеждой.

Получив заказ на перевод древних рукописей, Лисса оказывается втянута в мир чужих тайн, энергетического Потока и опасностей, которые веками скрывались рядом с людьми.

А ещё — в мир мужчины, который готов защищать её любой ценой.

Даже если ради этого придётся разрушить её жизнь.

— Ненавижу ненавижу, ненавижу. Если бы ты знал, как я тебя ненавижу.

Мне хочется спать. Голова раскалывается, тело ноет, а сил сопротивляться больше нет. Чувствую, как его руки бережно поднимают меня и укладывают на кровать.

«Не уходи» — думаю я.

«Не уйду», — отвечает он.

Наверное, это просто моё измученное воображение.

«Больше тебе не верю».

«А ты поверь».

«Когда-нибудь я тебя убью милый».

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Скотч с лимоном	18
Глава 2. Кружевной торт	46
Глава 3. Подножка из прошлого	89
Глава 4. Пять минут, чтобы передумать умирать или литературный бардак	100
Глава 5. Дополнительная невидимая конечность	145
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Veronica Enko

Саграм. До шрама

Пролог

Наши дни

— Твою же мать!

Мужчина, на вид лет тридцати, громко ругнулся. После стольких дней изнурительных раскопок он, всё-таки нашел что-то стоящее в этой забытой богом дыре. Какое там «что-то стоящее»... Да это же будет сенсация века. Глобальный скандал. ЭТО перевернёт все теории о происхождении жизни на Земле.

Андрей уже представлял лица этих зануд-учёных, вечно заводивших свою шарманку о том, что люди произошли от обезьян. Когда два месяца назад поступил государственный заказ на археологические раскопки в Сибири, он отнёсся к этому скептически. Аргументировал тем, что даже если рабочие, копая нефтяную скважину, случайно на что-то наткнутся, то это вряд ли окажется чем-то оригинальным. А

тут — такое.

— Дмитрий Сергеевич! Саша! Сюда, быстро! — выкрикнул он в рацию, едва сдерживая дрожь в голосе.

Почти сразу в динамике раздался раздражённый, вечно ворчащий голос Саши:

— Да что ты орёшь так, блин, на всю тайгу? Успокойся уже. Оглохну же к чёртовой матери.

— Саша, оставь его в покое. Не видишь — парень на взводе? — это уже подал голос Дмитрий Сергеевич. — У него это первые серьёзные раскопки. Наверняка нашёл какой-нибудь камушек, вот и чудится клад.

В рации раздался дружный хохот коллег. Андрей сердито тряхнул головой, стирая пот со лба.

— Да спускайтесь вы уже, чёрт возьми! — снова крикнул он с пятидесятиметровой глубины.

— Андрюш, да не ори ты так, — отозвался Дмитрий Сергеевич, и Андрей услышал щелчок переключателя. — Сейчас спустимся, только генератор лифта включу!

Кто же мог подумать, что детдомовский Андрей чего-то добьётся в жизни?

Он никогда не знал, что такое нормальное воспитание, доброе слово или тёплый ужин, не говоря уже о чистой постели и спокойном сне. Всё его детство прошло в борьбе за выживание, за «тёплое» место в подвале и кусок заплесневелого хлеба.

Сколько раз он проглатывал обидные оскорбления:

«тварь», «скотина», «ублюдок»? И все они были адресованы ему. Сколько раз в попытке защититься от таких же «тварей», он был вынужден терпеть удары тяжёлых кулаков и в одиночестве лить слёзы, перемешанные с кровью? На его глазах избивали других, а он — слабый и голодный, не мог их защитить. У него не было никого, кому можно было бы поплакаться, не было тёплых объятий, в которых можно было бы укрыться от этого жестокого мира.

Вечно голодный, в обносках, покрытый синяками — Андрей был зол на всю Вселенную и готов бросаться на каждого встречного, пока не встретил Дмитрия Сергеевича.

На тот момент его шансы на нормальную человеческую жизнь были равны нулю. Да, он не знал в детстве любви и родительского тепла, но после знакомства с опекуном эти чувства нахлынули на него разом. Они не оставили ему времени, чтобы привычно спрятаться в свой защитный панцирь.

Андрей впустил Дмитрия Сергеевича в своё сердце, и тот научил его самым сложным, но жизненно необходимым формулам: заботе, доброте и любви. Он заменил ему отца, которого семнадцатилетний Андрей никогда не знал. А Андрей, в свою очередь, стал для него сыном.

Когда-то в прошлом, в тот самый морозный зимний день они спасли друг друга от смерти

Была очередь Андрея добывать деньги и еду для шпаны. Его бы просто не пустили в подвал, вернись он с пустыми руками. На тёмной, неосвещённой парковке у небольшого

маркета Андрей заметил мужчину в длинном чёрном пальто. Тот не спеша шёл к своей машине с пакетами в руках. Долго не думая, Андрей подошёл к нему со спины и направил в поясницу старый «общий» пистолет банды.

— Отдай кошелёк, старик — негромко, стараясь придать голосу хрипоты, произнес он.

«Старик» замер. Он не пытался обернуться на голос, звучащий за спиной, — просто застыл на месте.

— Слышь, старик, отдавай кошелёк, кому сказал!

Дмитрий Сергеевич медленно развернулся. Он долго и внимательно рассматривал Андрея. Руки начинающего налётчика задрожали, и на лбу выступила холодная испарина.

— Давай же, мужик. По-хорошему отдай, и разбежимся!

Его мутило от одной мысли нажать на спуск, «празднуя» таким образом не только свой дебют в банде, но и начало карьеры убийцы. Но вопреки его ожиданиям, мужчина спокойно бросил пакеты на снег и достал из внутреннего кармана пальто чёрный кошелёк.

— Так ты подойди и забери, — ухмыльнулся тот и протянул Андрею кошелёк.

Андрей, не веря, что всё получилось так легко, сделал два шага. Он осторожно протянул руку, чтобы забрать вождьлённый объект.

Его пальцы уже коснулись кожаной поверхности, когда всё произошло мгновенно. Лоб Андрея с глухим стуком встретился с холодным капотом машины, а руки оказались

резко вывернуты за спиной. Из груди невольно вырвался громкий крик.

— Ты что, пацан, фильмы совсем не смотришь?! — Дмитрий Сергеевич крепко держал его, и, судя по голосу, ситуация его изрядно забавляла.

Он ловко вытащил ремень и начал связывать Андрею запястья.

— Дураку понятно, что нельзя ничего из рук брать. Сколько же таких сцен в кино было, а? Один угрожает пушкой, а второй кидает нужный предмет ему под ноги. Под ноги, слышишь? А ты? Какой из тебя бандит после этого? Ну и молодежь пошла — даже грабить по-человечески не умеют.

После «близкого знакомства» с капотом Андрей начал приходить в себя. Естественно, тут же накатила паника. Он задёргался и, не раздумывая, заорал на всю парковку:

— Помогите-е-е!

Но на последней букве его голова снова встретилась с чем-то твёрдым — на этот раз, кажется, с верхним краем двери.

Мир вспыхнул искрами, и глаза накрыла плотная темнота.

Проснулся он от ведра ледяной воды. Андрей обнаружил себя связанным на стуле посреди серого, плохо освещённого гаража.

Старик явно пересмотрел мафиозных фильмов. Чёрт! А может, он и правда... того? Мафиози? И надо же было в первый же раз наткнуться на гангстера? Чёрт, чёрт, чёрт!

— Как звать? — грубо спросил Дмитрий Сергеевич.

— Да пошёл ты!

— «Да пошёл ты» — это имя или фамилия? — так же грозно уточнил мужчина.

— Да пошёл ты! — снова огрызнулся Андрей.

— А я — Дмитрий Сергеевич Тосопкин. Так меня и зови.

Дальше они беседовали долго. Точнее, говорил Дмитрий Сергеевич, а Андрей «внимательно» слушал, раз за разом повторяя своё новое «имя». Но мужчина не обращал на это внимания. Он продолжал говорить до тех пор, пока Андрей не выдержал и не выдал:

— Да Андрей я!

— Вот и познакомились, Андрюш, — произнес мужчина с лёгкой усмешкой и странной, почти отеческой мягкостью.

И именно эта мягкость что-то задела внутри, что-то щёлкнуло, и парень расплакался. Впервые в жизни, при ком-то.

Какой позор! Взрослый пацан, а реву как девчонка.

Но следующие слова заставили его резко прекратить это «мокрое дело»:

— Обещаю, Андрюша: это твои последние слезы. Пошли завтракать, я давно накрыл на стол, а ты всё дрыхнешь. Вот и пришлось тебя... водой.

— За что? — тихо спросил Андрей.

— Так ты не просыпался, вот я и

— Да нет. За что вы так со мной? — со стыдом выдохнул парень. — Я же ограбить вас хотел, а вы...

Мужчина долго смотрел на него. Глубоко вздохнул и от-

ветил:

— За то, что ты меня спас, Андрюш. Спас, понимаешь? Ты вчера тыкал в меня своей дурацкой пушкой и даже не подозревал, что этим вытаскиваешь меня из петли.

Андрей подозрительно уставился на своего похитителя, в очередной раз задаваясь вопросом: всё ли у того в порядке с мозгами?

— На прошлой неделе я сына потерял, Андрюш. Такого же, как ты: молодого, упрямого. Скалолазом он был

Понятно. Я похож на его сына, и мужик решил, что нашёл замену. Надо делать ноги, и срочно. Старик походу куку.

А мужчина, стоящий перед ним, будто прочитал его мысли:

— Ты не подумай, Андрюша, я тебя не из-за сына сюда притащил. Вы разные, совсем не похожи. Он был намного старше тебя, да и у меня мозги в порядке. Только, понимаешь... не было у меня смысла жить дальше. Он был для меня всем. Мой единственный смысл. А он сорвался. Девчонку одну спас — отдал ей своё крепление, а его собственное не выдержало.

Мужчина на мгновение замолчал, а потом тяжело опустился на пол.

— И он — его голос сорвался.

Андрей впервые в жизни видел, как взрослый, крупный мужик плачет, словно ребёнок. Громко, не пытаясь это

скрыть или отвернуться.

— И он позвонил мне оттуда. Со скалы. Прощаться, наверное

Андрей видел, как слёзы ручьём текут по щекам этого странного человека, и, на удивление, вместо раздражения почувствовал острую жалость.

— А я ему даже слова сказать не дал. Ляпнул быстро: *«Лёшка, сейчас перезвоню, через две минуты!»* Я тогда из-под земли на лифте поднимался — шум, связь почти не ловила. А он мне в ответ: *«Хорошо, пап»*. Понимаешь, Андрюш? Он мне только: *«Хорошо, пап»*.

Дмитрий Сергеевич продолжал плакать, а Андрей смотрел на него и впервые понимал, что такое настоящая боль. Боль — это не когда тебя бьют или унижают. Не когда тебе нечего есть. Боль — это когда ты хоронишь своего ребёнка.

— у меня телефон сел. А когда зарядил и перезвонил, мне ответила рыдающая девчонка. Она и двух слов связать не могла, чтобы объяснить, что случилось.

Закончив свою историю, он замолчал и уставился в одну точку на полу. Никто из них не хотел нарушать тишину. Эта тишина была для них обоих спасительной. Она окутывала, убаюкивала, связывала их невидимыми нитями, словно заключая между ними негласное соглашение: быть рядом и доверять друг другу.

Дмитрий Сергеевич наконец успокоился и заговорил снова:

— Вчера, Андрюш, я собирался слетать в те места, где погиб мой сын, и там распрощаться со своей жизнью. Как — я ещё не придумал. Ну, вот появился ты и назвал меня «стариком». Меня. Стариком. В пятьдесят пять лет. Я же молодой ещё, а ты меня «старик». И я тогда понял. Понял, что ты — моё спасение. А ещё я обязан из тебя сделать человека, Андрюш. Ведь, кроме тебя и моего сына, «стариком» меня никто ещё не называл. И я просто обязан вдалбливать тебе это много лет вперёд, так же как и моему сыну: какой я вам «старик» — я же любому молодому фору дам! — он невесело усмехнулся и после освободил Андрея от веревок.

И Андрей впервые в жизни начал доверять людям. Точнее — своему опекуну. Дмитрий Сергеевич сделал ему документы, купил одежду, помог окончить сначала лицей, а потом и университет. Дальше была практика в известной фирме, а после — совместные раскопки.

Спустя год после смерти Лёши они познакомились с той самой рыдающей девчонкой. Как оказалось, у неё был сын — внук Дмитрия Сергеевича. В тот день он был по-настоящему счастлив. Дмитрий Сергеевич долго плакал, целовал внука, обнимал девушку и без конца благодарил её за то, что она подарила ему продолжение сына.

Сначала он, конечно, отчитывал её за то, что она не сообщила ему о беременности. Но потом обнимал, утешал и принимал её объяснения. Девушка просто боялась, что он не поверит, и скажет, что ребенок не Лёшин, или решит, что она

пользуется его горем. Она дождалась, пока малыш родится, и только когда стало ясно, что малявка — точная копия отца, они пошли знакомиться с дедом, а заодно и с «приёмным дядей» в лице Андрея.

Теперь Андрей и Димка — которого называли в честь деда — души не чаяли друг в друге. Они всё делали вместе: футбол, карате, плавание, походы. Маленький Димка никогда не был обделён мужским вниманием.

— Ну, что там такое, Андрюш? — голос Дмитрия Сергеевича ворвался в его воспоминания. Лифт уже опустился, и опекун шагнул в сырую темноту шахты.

— Пап, ты сейчас просто упадёшь от того, что я тебе покажу.

Дмитрий Сергеевич тепло улыбнулся на слово «папа» — такое всё ещё редко можно было услышать от Андрея. Сделав вид, что ничего не произошло, он командирским тоном шуточно приказал:

— Ну давай, удивляй, раз уж на то пошло. А то я уже грешным делом думал, что мы целый месяц торчим тут впустую, протираем штаны зря и в ущерб государству.

Где-то во Вселенной

— Далор Рисар

— Светящей Вам Теокрии, латер Минколь'т!

— Рад твоему возвращению, далор.

— Рад был вернуться, господин латер.

Высокий мужчина, чья фигура казалась почти чёрной тенью в тусклом освещении зала, поднялся с массивного трона из тёмного вентариума. Его шаги гулко уходили в своды, пока он спускался к визитёру.

— Оставим формальности, Рисар. Жду доклада. Есть хорошие результаты? — Минколь'т замер в шаге от него.

Он пытался сохранить маску ледяного спокойствия, подбающую его посту, но голос чуть дрогнул.

Рисар сглотнул. Он ненавидел быть вестником смерти.

— Боюсь огорчить Вас, господин латер. Никаких результатов, — он опустил взгляд, не в силах выносить ожидание в глазах адмирала.

— Я надеялся на вас, далор — выдохнул тот, и в этом выдохе слышалась вековая усталость.

Пауза затянулась.

— Боюсь, мы обречены, господин адмирал!

Минколь'т медленно закрыл глаза и провёл ладонью по жестким, коротко стриженным волосам, словно пытаясь стереть головную боль.

— Хм Вы быстро переняли их терминологию, Рисар

Улыбка, которая появилась на его лице, была лишена радости. Скорее судорога, чем улыбка. Когда он ещё мог позволить себе подобную вольность в присутствии подчинённого.

— Их военные звания проще, господин адмирал, — тихо ответил Рисар.

— И удобнее?

— Да.

Минколь'т усмехнулся краем губ и подошёл к столу из тёмного материала.

— Завидую им, генерал. Ведь вы теперь «генерал» по-земному? У них есть всё. Мир, полный жизни. Будущее, потенциал, о котором нам остаётся только говорить.

Адмирал налил в тяжёлый бокал тёмную жидкость. Алкоголь с Земли обжёг горло, но не принёс привычного онемения.

— А они этого не ценят.

Рисар молчал.

— Единственные, кто биологически совместим с нами, но при этом совершенно нам не подходят, — продолжил адмирал тише.

Он поставил бокал обратно на стол.

— Древняя, угасающая цивилизация, смотрящая на тех, чей расцвет ещё впереди.

Тишина снова осела между ними.

— Возвращайтесь обратно, Рисар из клана Моракс. Продолжайте работу. На вас последняя надежда нашего вида.

Рисар напрягся. Сама мысль о возвращении на ту далёкую базу казалась ему пыткой. Он уже набрал воздуха, чтобы заявить о бессмысленности дальнейших поисков, но холод-

ный, режущий голос адмирала пресёк протест:

— Это приказ, генерал!

Рисар дёрнулся, словно от хлёсткой пощёчины. Челюсть сжалась так сильно, что зубы скрипнули.

— Есть, господин адмирал — с ядовитым нажимом выделил он звание.

Развернувшись, далор направился к выходу, но у самых дверей его настиг вопрос, от которого воздух в кабинете, казалось, мгновенно замёрз:

— Вы не нашли Зорака?

Рисар замер. Его костяшки пальцев побелели, вцепившись в рукоять ножа на поясе.

— Боюсь, что нет, господин адмирал!

Ему хотелось выкрикнуть: «Не произносите при мне имя предателя! Он труп, как только мы его поймаем!» Но он лишь коротко кивнул, подавляя ярость.

— Позвольте удалиться, латер

— Хорошего полёта, далор.

— Оставайтесь под светом Теокрии, латер Минколь'т.

Пару месяцев пути в этой консервной банке! Бездна Ларии! И ради чего? — яростно думал Рисар, шагая по пустому коридору. Гнев пульсировал в висках, заглушая страх перед будущим, которого у его народа, возможно, уже не было.

Глава 1. Скотч с лимоном

*«Из двух зол я всегда выбираю то, которое
раньше не пробовала»*

Мэй Уэст

ЛИССА

Я зашла в паб. Нет, не так Я наконец-то зашла в паб.

И вообще, зачем люди приходят в такие места? Одним нужно встретиться с друзьями, попить пива и обсудить, что начальник снова не оценил их «уникальные компетенции». Такие ребята садятся у окна и смеются громче, чем нужно. Паб для них — как семейная терапия, только с картошкой фри и дешёвым пивом.

Другие приходят расслабиться после тяжёлого дня. Они заказывают «что покрепче» и замирают, уставившись в телевизор, где идёт футбол. Лишь бы никто их не трогал. Это их короткий отпуск. Пятьдесят грамм в рюмке — и всё, душа где-то на Бали.

А есть мы. Категория третья. Особая каста. Мы ходим по пабам с невидимым радаром. Притворяемся, что изучаем

мению, хотя на самом деле сканируем чьи-то скулы в поисках знакомств, и в глубине души надеемся, что именно этот паб станет началом нашей истории. Что кто-то подойдёт и спросит: *«Ты одна?»* — и не закончит фразой: *«Если одна, можно я заберу твой стул?»* Мы ищем не просто вечер, а хоть какую-то надежду в бокале иронии и капле вермута.

Ладно, я немного утрирую.

Я здесь не для того, чтобы набраться в стельку и очнуться в дешёвом мотеле с мутным незнакомцем. Мораль и домашнее воспитание не позволяли опуститься до такого уровня. А зря! Иногда стоило бы. Я хотела помнить всё. Каждый момент. Мой «первый раз» должен был случиться с симпатичным, культурным и совершенно незнакомым мужчиной. Без романтической попсы и утренних неловких прощаний.

О чём это я? Ах да. Меня зовут Лисса. Мне двадцать. И я ещё девственница. Боже, звучит как диагноз. Хорошо, что излечимый. И я пришла сюда именно за этим лечением.

Ха, ха, ха! Нервничаю если что.

И да, вы не ослышались. Дев-стве-ни-ца! ЭТО преследует меня везде. Я думаю об этом всегда и никак не могу от этого избавиться.

Я не специально. Как-то так получилось, что последний год мне было совсем не до секса. Мой папа умер, и некогда было обращать внимание на мой «бутон, олицетворяющий свежесть и неприкосновенность».

Паб-кафе-ресторан (это была какая-то странная комбина-

ция) был приличный, даже с претензией на гламур. Здесь я надеялась встретить кого-то столь же приличного, но без излишнего лоска. Не люблю гламурных.

Последний раз я была здесь год назад. Мы с девчонками отмечали День взятия Бастилии по приглашению нашей коллеги-француженки. Боже, что это был за вечер. Мы соревновались с самыми патриотичными французами:

«*Liberté, Égalité, Fraternité!*» А ещё: «*Je suis venu. J'ai vu. j'ai vaincu!*» — в переводе: «Пришёл. Увидел. Победил!»

Что там наши пьяные глаза *видели* и во что наши мозги *верили*, уже не вспомнить. Но кричали громко, слаженно, с блеском в глазах и под чёткий дирижёрский взмах нашей француженки. Откуда она так научилась дирижировать? До сих пор не знаю.

Но, вопреки нашим опасениям, нас не выгнали и полицию не вызвали. Как выяснилось позже, администратор заведения тоже оказался родом из Франции, и ему было чертовски приятно, что такие, кхм, *очаровательные барышни*, как мы, отмечают столь важный для него национальный праздник. Почти как дома, только громче и пьянее. Чуть ли не до слёз. Дом далеко, а тут — шальные «парижанки» в мини и с акцентом. Кто бы устоял? Вот и он не устоял. Парижанкой только одна из нас была.

В этот раз всё выглядело спокойнее. Интерьер: скатерти, деревянные стулья, мягкие диваны. По телевизору — новости, конечно же, Сибирские пластины. Опять! Да сколько же

можно?!

«Археологи обнаружили в Восточной Сибири так называемые “Сибирские пластины” — загадочные артефакты с неизвестными символами и формулами. Материал, из которого они изготовлены, внешне напоминает металл, но по весу ближе к пластику. Он частично подвержен коррозии, несмотря на внешнее сходство с кевларом. Учёные утверждают: вещество не входит в таблицу Менделеева, что может свидетельствовать о его внеземном происхождении. По одной из версий, пластины были частью устройства для хранения или передачи информации. Расследование продолжается.»

Я даже не стала дослушивать очередной выпуск новостей, которые вот уже полгода крутят на всех каналах. Одно и то же, до тошноты. Уверена, если постараться, можно повторить наизусть с любой интонацией. Новых фактов — ноль, и вряд ли появятся. По крайней мере, для таких простых смертных, как я. Да даже если что-то и открылось, всё давно засекретили. Расчехлят их лет через сто, когда уже будет неважно. И, честно говоря, чему тут удивляться? Любой здравомыслящий человек и сам додумается: вселенная — слишком огромна, чтобы мы были в ней одни.

Гоняя вселенские мысли по пути к одному мужчине из персонала, я случайно поймала своё отражение в витражном стекле.

Ну что ж, вполне себе. По мнению окружающих — а у них,

между прочим, тоже есть глаза — я: «прекрасная молодая девушка со светло-русыми волосами, локоны которых мягко ниспадают на плечи, лицо утончённое» По описаниям, я почти героиня любовного романа. Причём самого дешёвого, с полки у кассы.

Ха!

И знаете что? Всё это описание я действительно стырила из одного такого романа. Примерно с той сцены, где главная героиня встречает миллионера на мотоцикле под дождём, без шлема и локоны у неё, как в описании, — ниспадающие.

Из всего этого правда только то, что я действительно русая. Но, как ни крути, окружающие считают меня красивой. А кто я такая, чтобы с ними спорить и лишать людей иллюзий? Люди же стараются, делают комплименты. Надо же поддерживать веру в человечество.

Фигура? О, да-а-а. Мечта. Чья? Не уточняю, но факт остаётся фактом: спина прямая, осанка королевская, грудь именно такая, какая должна быть при моих пропорциях.

Вот такая я. Красивая, уверенная и очень скромная.

И да, вторую часть про фигуру и телосложение я тоже нагло стащила из книги.

Под едва уловимым и почти призрачным конвоем сотрудника, то ли администратора, то ли официанта, чью роль я так и не успела определить, я направлялась к свободному столику, за который мне предстояло сесть. Он располагался практически в эпицентре зала. Странное место. Формально,

ты вроде находишься в гуще событий, но ощущаешь себя в некоем «слепом пятне», где центр вовсе не кажется таковым.

Дошла до своего столика, нарочито беззаботной походкой — в своих любимых каблуках и с той уверенностью, которую дарит хороший макияж и намерение изменить свою жизнь. На мне было надето белое тоненькое платье, готовое хоть для алтаря. Не уточняю какого, но мы с вами знаем два типа: при замужестве и жертвенный.

Но вернёмся к нашему «ресторану», если, конечно, можно так называть это гламурное логово городских эстетов. Атмосфера заведения была настолько вылизана до блеска, что казалась почти театральной, и местные новости совсем не вписывались в эту идиллию.

Мне подали меню. Вежливые приветствия, дежурные улыбки, навязчивое предложение местного крафта. Но я сразу отсекала гастрономические прелюдии, отшутившись, что сегодня мой градус должен быть значительно выше.

— Виски с содовой, — сказала я, — и две дольки лимона, пожалуйста.

Не самый типичный выбор для меня, но сегодня он был обязательным элементом ритуала. Немного горечи. Немного свежести. И лёгкая цитрусовая надежда, что вечер всё-таки сложится.

Устроившись поудобнее, я начала неторопливо рассматривать соседние столики, разумеется, ради статистики. Неподалёку сидела парочка: он — в светлой рубашке с зака-

тантными рукавами, с чуть растрёпанными волосами, словно только что вышел из рекламы кофе. Она — миниатюрная брюнетка с живыми глазами и смехом, который разливался по залу, будто каждый рассказанный им анекдот был шедевром стендапа.

Да, смеялась она чуть громче, чем стоило бы в таком «элегантном» месте, но выглядело это... мило. Настолько мило, что мне даже стало немного завидно. Они смотрели друг на друга с такой откровенной нежностью и ненасытным интересом, будто каждый взгляд был их личным поцелуем. Мистер «влюблённые глаза» поднял взгляд и поймал мой как раз тогда, когда я залипла на них уже несколько минут — тоже с глупой улыбкой на губах. Он подмигнул мне, я не смутилась и подмигнула ему в ответ, но тут же отвела глаза и сделала глоток виски, который в этот момент показался намного крепче, чем пару минут назад.

У барной стойки обосновалась шумная мужская компания, человек пять, не меньше. Они оживлённо спорили, жестикулировали и перебивали друг друга, будто решали судьбу мира... Судя по их слегка стеклянным глазам и завышенному уровню энтузиазма, алкоголь уже основательно вступил в свои права.

Бармен с дежурной профессиональной улыбкой уже в третий раз вежливо, но с явным напряжением предупредил: если они не угомонятся, придётся вызвать полицию. Парни, конечно, кивали, клялись, что всё под контролем, и спустя

пару минут продолжали в том же духе.

Я украдкой наблюдала за ними с лёгким недоумением. И кто-то из них должен стать моим первым? Спасибо, но нет.

Методично осматривала всех мужчин в зале с точки зрения перспектив. Но, увы, ни один не тянул на роль достойного кандидата для моего первого, гм-гм опыта. Никого, кто вызвал бы желание сказать: «О, давай ты будешь моим официальным билетом в мир телесных и развратных радостей». Все были в паре.

Кроме одного.

Напротив меня, в том самом «центре, который не центр», сидел мужчина и медленно потягивал свой напиток. В прозрачном стакане не было льда или янтарного блеска выпивки. Только плотная тёмная жидкость, напоминающая холодный крепкий кофе. Очевидно, он был здесь не один: оставленные приборы, хаос недоеденного блюда и искрящийся бокал шампанского красноречиво говорили о том, что его спутница (или спутник) временно покинула поле боя.

Он был красив той породистой красотой, которая пугает своей безупречностью. Прямая спина, уверенная посадка и абсолютная индифферентность к окружающему шуму. И скука. Ему было невыносимо, до одури скучно. Он медленно разрезал мясо в тарелке, с механической точностью отправляя куски в рот, и так же неторопливо жевал.

С очередным движением вилки он поднял глаза и зафиксировал мой взгляд. Поймал меня на подглядывании.

Я не отвела глаз и не улыбнулась в этот раз, а продолжала изучать его, словно неодушевлённый предмет. В конце концов, созерцание не табуировано законом, хотя наше общество и возвело вокруг него невидимые баррикады и придумало бредовый harassment. Ведь мы живем в мире жёстких социальных регламентов, где взгляд — это целая экспансия, а прямой зрительный контакт дольше трёх секунд в нашей культуре считается либо как вызов, либо как сексуальная агрессия.

Люди боятся уже смотреть друг на друга и открыто улыбаться. Скоро дойдёт до того, что мы начнём спрашивать: *«Извините, можно я вам улыбнусь?»*

Когда-то мы с подругой играли в одну глупую игру. Ловили взгляды случайных людей и держали, кто дольше. В кафе, в метро, на улице — где угодно. Простая игра, но почти неприличная, ведь это была проверка на право обладания пространством.

В этой игре я была абсолютным чемпионкой. Мне доставляло почти физическое удовольствие наблюдать, как в «сопернике» зарождается сначала лёгкое замешательство, а затем очередная капитуляция взгляда в сторону.

Дилетанты пытались спасти лицо улыбкой. На их любезность я отвечала ледяным спокойствием, превращая их попытку сблизиться в фарс. Отсутствие реакции смущало их сильнее, чем холод.

Смельчаки подходили знакомиться, явно считая мой

взгляд прямым приглашением. Таких мой взгляд, подобно скальпелю, отправлял обратно на место.

И были мои любимые — скандалисты. Когда они начинали кипеть от возмущения, я вкрадчиво уточняла: *«Должно быть, у вас выдался ужасно тяжёлый день, раз вы решили сорвать злость на первом встречном?»* Это обезоруживало их окончательно, и их запал мгновенно угасал.

Но этот мужчина знал правила. Его взгляд был ровным, устойчивым, почти профессиональным, как у человека, привыкшего выигрывать без суеты. Мы застыли в этом безмолвном поединке, где воздух между нашими столиками начал медленно напрягаться. Впервые за долгое время я почувствовала, что мой неисчерпаемый ресурс наглости начинает истощаться.

Если бы не его вернувшаяся спутница, я бы, вероятно, впервые в жизни проиграла в свою же игру. Он неохотно оторвал взгляд от меня и перевёл его на подошедшую к его столику девушку.

Дуэль закончилась ничьей, но вкус почти поражения остался на губах вместе с крепким напитком.

Напротив него села гламурная богиня. Она двигалась так, будто зал — её подиум, а все остальные здесь случайно. Платье держалось на ней скорее из принципа, чем по необходимости, и при каждом её движении это становилось очевидным.

Я вздохнула и отвернулась от «идеальной парочки» за сто-

лом. Нет, ну правда. Откуда они берутся? Красавчик, вкусно одетый, кажется, я чувствую его дорогой парфюм даже со ста метров и, конечно, рядом с ним ходячая модель с когтями хищницы. Красивая, кстати, девушка. Мне кажется, или во мне сейчас говорит зависть?

Малышка в стиле Росомахи что-то громко рассказывала ему про Канны:

— знаешь, я давно заметила одну вещь. В Каннах мода вообще странная штука. Там очень быстро становится понятно, у кого образ — это мысль, а у кого просто дорогой шум. Можно выйти в идеальном платье и остаться незамеченной, а можно ничего особенно не демонстрировать — и на тебя будут смотреть. Потому что дело не в эффекте, а в ощущении меры. Город мгновенно наказывает за старание и очень щедр к тем, кто его совершенно не показывает

Она говорила достаточно громко, чтобы подробности её французских каникул услышала я и все остальные в радиусе километра. При этом она активно жестикулировала, сверкая своими длинными цветными ногтями.

Я тоже была в Каннах. Меня потеряли там, но нашли. Испуганные, заплаканные родители, это то, что остаётся в твоей памяти надолго. Деталей не помню, но их перекошенные от ужаса лица — мой личный «Оскар».

Вернувшись мыслями в реальность, я снова обвела зал взглядом.

Увы, ничего не поменялось. Половина мужского населе-

ния зала — либо перебравшие весельчаки у барной стойки, либо занятые кавалеры в «стабильных отношениях на вечер». Остальная половина выглядела... ну, скажем так: если бы мой первый раз был с кем-то из них, это выглядело бы не как чувственный момент, а как эксперимент по самопожертвованию. Белое платье есть, осталось только найти алтарь.

Ко мне подошёл официант, и я заказала вторую порцию виски.

— Судя по всему, вечер требует аргументов посильнее? — шутит он.

Смеюсь и отвечаю:

— Просто мой внутренний философ сегодня слишком много спорит. Приходится его успокаивать.

Спустя пару минут я делаю первый глоток. Прежде чем опустить стакан на стол, ловлю на себе взгляд недавнего соперника. Хочет второй раунд?

Он задерживает взгляд на мне, затем переводит его на виски и снова смотрит в глаза, словно: *Не многовато ли тебе?*

Мои брови вопросительно приподнимаются. Сначала я зеркально повторяю его жест и смотрю на свой стакан, а потом снова подношу его к губам, делая ещё один глоток. Театрально наслаждаюсь вкусом и безмолвно ему отвечаю: *Мне — в самый раз.* И улыбаюсь.

Разумеется, он не ответил на мою улыбку и снова обратился к своей спутнице, которая продолжала без умолку го-

ворить:

— меня ещё смешит, как все ищут «провалы». Будто это спорт. А стиль — он же не про победу, он про точность. Про умение понять момент и не перегнуть. Канны вообще не любят истерик. Там ценят контроль.

Ничего себе, какая философия. Покручивая стакан и играя с кубиками льда, я, с самым серьёзным и пафосным видом, чуть приподняла указательный палец и словно говорю ему: *Внимай, она говорит истину.*

Мой соперник напротив слегка прищурился, а я глазами указала ему на его спутницу, опять безмолвно намекая: *Не смей на меня отвлекаться и слушай внимательно. Потом будет тест.*

Он продолжает делать вид, что поглощён лекцией о высоком стиле, а я стала размышлять о нём. Интересно, он всегда такой безупречный? Идеально выглаженная рубашка, этот снисходительный прищур. Наверняка у него вся жизнь расписана по минутам: бизнес-ланчи, котировки, идеальная женщина рядом, которая знает всё о «правильном шуме» в Каннах.

А я? Я сижу в баре в гордом одиночестве, воюю с собственным внутренним философом и зачем-то дразню незнакомца. Наверное, Клэр была права. Во мне слишком много строптивости и слишком мало «ощущения меры», о котором так заливается его спутница. Но, честно говоря, сейчас мне на это плевать.

Сегодня я не хочу быть удобной.

Снова посмотрела на него. За всё это время он не пророчил ни слова. Интересно, как звучит его голос? Он такой же глубокий и холодный, как и его взгляд? Ну давай же, красавчик, скажи тоже что-нибудь про стиль и моду например. Нам, девочкам, безумно нравится, когда нас слышат и «активно участвуют в дискуссии».

Так и не дождавшись его голоса, я потеряла интерес к беседе за соседним столом и к моде в целом, встала и направилась в дамскую комнату. Как сейчас модно говорить — припудрить нос. А если точнее — мне просто хотелось освободить свой мочевого пузырь.

Не доходя пары шагов до барной стойки, меня вдруг буквально впечатали в объятия мимо проходящего официанта. Один из той пьяной компании у бара неловко пошатнулся и толкнул меня. Он что-то буркнул в качестве извинения и пошёл дальше, а я почувствовала кожей все влажные последствия этого столкновения. У официанта на подносе был чей-то красный напиток, который теперь расплывался по моему белому платью, оставляя мокрые разводы.

Глаза на мгновение закрылись, а вдох получился на редкость тяжёлым. Но стоило их открыть — и на лице сама собой растянулась фальшивая улыбка. Бедный парень-официант выглядел таким напуганным, что пришлось его заверить: всё в порядке, платье старое, оно мне никогда не нравилось, и, вообще, красный мне идёт.

Хотя внутренний демон ядовито шипел: *Бери такой же бокал красного и вылей кому-нибудь на голову!*

Повод скрыться в туалете стал веским. И кто же теперь меня замуж возьмёт с таким «кровавым» пятном на белом подоле? Блин!

В дамской комнате было пусто и подозрительно пахло лавандой. Отражение в зеркале не радовало — мокрое пятно на боку действительно напоминало след от пулевого ранения.

Ну вот и припудрила нос, молодец.

Холодная вода и бумажные полотенца сделали только хуже. Теперь пятно просто стало больше и приобрело розоватый оттенок. Безднадёжно, блин. Оставалось только гордо нести свой «орден» пострадавшего клиента, допить свой бокал виски и вызвать себе такси. Я выпрямила спину, поправила волосы и, на всякий случай, проверила, не потекла ли тушь. Всё остальное было в норме.

Дверь дамской комнаты мягко щёлкнула, закрываясь за моей спиной. Обратный путь к бару казался подиумом, только вот вместо софитов были тусклые лампы, а вместо восхищённых критиков — мой подневольный партнёр по воркшопу о моде и кинофестивалях.

Кожей, тем самым местом на боку, где расплывалось мокрое пятно, чувствовала его взгляд. Глубокий, холодный и теперь неприлично внимательный. Знай я, что так привлекать больше внимания, сразу бы облила себя чем-нибудь крас-

НЫМ.

За барной стойкой кипела драма с плеском пива на полу и очередными угрозами о вызове органов власти и правопорядка. Сделав тяжёлый театральный вздох, я вернулась к своему скотчу.

Да позвоните вы уже в полицию и избавьте нас всех от этих пьяных лозунгов!

Вся аудитория «краем уха» слушала, как горячие ребята костерят политику Европейского парламента. Ага, конечно. «Краем». Да мы слышали их всеми своими барабанными перепонками.

Эти «специалисты» по мировой политике, нервно постукивая бокалами по стойке, орали не хуже оперных певцов. Но угроза вызвать полицию их на время утихомирила.

Шум зала отошёл на второй план ровно в тот момент, когда заговорил мой молчаливый и загадочный сосед напротив. Навострив ушки, я пыталась расслышать хоть что-то, но, в отличие от своей спутницы, он не повышал голоса. До меня доносился только его приятный баритон. Говорил он сдержанно.

Видимо, он сказал ей что-то неприятное, потому что у нас на глазах разыгралась вторая драма за вечер.

— что сегодня между нами всё изменится, станет глубже, серьёзнее! — в её голосе уже звучала истерическая нота.

«Канны же не любят истерик». Сама же говорила. Но «глубже» нравится всем. Можно её понять.

— Мне жаль, что мои действия ввели тебя в заблуждение,
— сухо отозвался он.

— Ты же это несерьёзно, Касл?!

Касл? Необычно, но ему идёт.

— Элис, пожалуйста, — ответил он немного устало, — не усложняй. Всё и так предельно ясно.

— Равнодушный, как всегда, правда?! — она скорее утверждала, чем спрашивала.

Он глубоко вздохнул, никак не реагируя на её выпад.

— Какой же ты кретин! — девушка не сдавалась, явно провоцируя его на скандал.

Брови у нас обоих поползли вверх одновременно. Она действительно решила перейти на публичные оскорбления?

— Вполне возможно, — он сделал ещё глоток, и на его лице не отразилось ни единой эмоции. — Но, между прочим, я тот самый кретин, который последние месяцы оплачивал все твои счета и всё, что приходило тебе в голову.

Девушка оставила незамеченным заявление про счета и продолжила:

— Всё это время я пыталась разглядеть в тебе хоть каплю чувств, но, видимо, искала там, где абсолютная пустота! Козёл! — голос Элис сорвался от ярости.

Он чуть прищурился, разглядывая её так, будто впервые видел.

— Не переживай, — отозвался он. — Ты быстро найдёшь мне замену. Ты из тех, кто всегда выбирает комфорт.

Ух ты!

Даже я, просто рядом сидящая, невольно вздрогнула. Бокал в её руке задрожал, и, конечно же, как в любой уважающей себя мелодраме, она смачно плеснула содержимым бокала на его идеально выглаженную белую рубашку.

Он даже не поморщился и не проронил ни одного лишнего слова. Ни одной эмоции. Только лёгкий вздох, и вежливый жест официанту, безмолвно призывающий убрать эту «игристую бурю» с его стола.

Мне стало ужасно интересно, чем это закончится. Даже подняла локти на стол и чуть подалась вперёд, стараясь не пропустить ни слова.

— Одиночество, Касл. Это всё, что ты заслуживаешь, — уже тихо прошипела его дама.

— Иногда о нём мечтают, Элис, — он особо выделил её имя. — Одиночество и тишина. Их выбирают не потому, что им плохо с людьми, а потому что им хорошо без лжи.

Касл вроде бы говорил с ней, а смотрел снова на меня. Недолго думая — к этой скорости третий бокал виски явно приложил свою руку — я только развела ладони и цокнула губами, мол: *А что ты хотел? Женщины — создания импульсивные. Надо было ей предложение делать.*

Но тем временем «красивая модель» не хотела оставлять последнее слово за ним и, перед тем как уйти, она бросила:

— Волк без стаи всегда умирает в одиночестве.

Элис развернулась и гордо выплыла из зала, как торпеда на каблуках, по пути едва не сбив пожилую пару, танцевавшую у входа.

Мне было жаль Элис. Наверное, я бы так же сделала.

А потом что делал этот холодный, сдержанный и невозмутимый тип? Правильно. Страдал. Заказал себе огромный кусок шоколадного десерта с маленькой, наглой мятной веточкой сверху, и с самым невозмутимым видом ел его ложкой и «страдал».

И почему-то именно этот момент зацепил меня сильнее всего. Никаких угрызений совести и только кристальное равнодушие. То, что он не бросился за ней, и не бродил взглядом по залу с виноватым лицом, в ожидании осуждения от окружающих, было вызывающе.

Даже нагло.

Похоже, он из тех мужчин, которые не задерживаются в отношениях дольше, чем на пару месяцев. Познакомился, покорил, заскучал, и вышел без единого эмоционального шрама. Мне нужен именно такой — простой, необязательный и холодный сладкоежка. Типичный сердечный турист. Идеальный кандидат для «ничего-не-обещающей» ночи.

Беру! Только как его брать? Ну до чего же я докатилась — ищу мужчину, чтобы... ну... что? Снять его?

Как я вообще это сделаю, ведь я никогда в жизни не делала первый шаг. Вот прям никогда. И теперь мой мозг лихо-

радочно перебирал возможные варианты начала разговора:

— *Эй, парень, как насчёт секса?*

Фу. Звучит как реплика из плохой комедии, где после этой фразы должен раздаться громкий закадровый смех, и герой подавится тортом.

— *Предлагаю незабываемую ночь бесплатно!*

Боже, нет! Это уже уровень сомнительной рекламы подозрительного сайта.

Мне нужно что-то элегантнее. Мягко и красиво намекнуть. Он ведь только что расстался с девушкой. Бедняжка.

Ха! Слышали? «Бедняжка».

Если он бедняжка — то я Санта-Клаус в купальнике.

А если использовать наше общее несчастье?

— *У вас — шампанское, у меня — вино. Мы выглядим как два выживших после крушения баржи с алкоголем. Может, объединим наши «травмы» за одним столом?*

Уж лучше, но всё равно слишком много слов.

Никогда бы не подумала, что цеплять парня — это так сложно. Оказывается, этому надо учиться годами. Как вообще это делает половина мужского населения? Познакомиться, обаять, соблазнить, затащить в постель. И всё это без обморока и заикания. Это же целое искусство.

Снова перевела взгляд на него. На вид ему было около тридцати, может, чуть с небольшим запасом. Под белой рубашкой угадывалось подтянутое тело. Не фитнес-показушное, а собранное: широкие плечи и ровная спина. Руки это

были те самые руки, которые могли бы и рюмку поднять, и коробку затащить, и, прости Господи, медленно провести по позвоночнику, когда уже поздно отступать.

Идеальный, мать его!

Смотришь на такого и автоматически начинаешь искать в себе косяк. Ищу, ищу и не нахожу. А что? У меня фигура тоже хорошая, попа в форме, и ни грамма целлюлита. Так что повезло ему.

Ну что, сделаем его вечер?

Я сделала шаг к нему, как к эпицентру землетрясения. Медленно, с натянутой улыбкой, будто иду просто «мимо», хотя внутри под боевой барабан маршировали все мои страхи. Только подойдя вплотную, я поняла, что так и не придумала, с чего начать.

Хоть бы не ляпнуть: *«Эй, как жизнь?»*

Он поднял глаза ровно в тот момент, когда я поравнялась с его столиком. Взгляд был таким до неприличия спокойным, что я на секунду забыла, зачем вообще сюда шла.

— Касл, — выдала я как можно ровнее, хотя внутри в это время с грохотом ломалась мебель. Да я даже «здравствуйте» ему не сказала.

Приподняв бровь, он медленно улыбнулся.

— Девушка, которая весь вечер пьёт скотч с лимоном и сканирует зал взглядом снайпера. Кстати, односолодовый виски не пьют с лимоном.

Я опешила, не ожидая дискуссии о напитках.

— Мне налили бурбон, — парировала я и опустилась на стул напротив, не дожидаясь приглашения. Раз уж пришла, то надо действовать: — Я Лисса.

Он чуть склонил голову набок, словно пытаясь понять меня глубже. На мгновение прикрыл глаза, а затем вновь посмотрел на меня и улыбнулся.

— Говорят, — начал он, — что разлитое красное вино на белом — это к удаче. Или к очень долгому разговору. Ну что ж, — он сделал паузу, внимательно изучая моё лицо. — Я тебя слушаю Лисса.

Нервно поёрзав на стуле, я бросила мимолётный взгляд по сторонам, словно искала алиби своей внезапной дерзости.

Он не сводил с меня глаз, изучая с ледяным спокойствием, будто препарируя редкий, но уже обречённый экспонат. В его взгляде не читалось ни смущения, ни явного интереса, и эта пустота демотивировала больше, чем любая эмоция.

Вот он, момент истины, — сказала я себе. — *Действуй!*

Вспомнив «Крестного отца» и, не давая себе времени передумать, выдала:

— Я собираюсь сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Касл приподнял бровь. Вежливая улыбка стала чуть шире.

— Уже интригует, — сказал он. — Обычно когда ко мне подсаживаются с «деловыми предложениями», это либо криптовалюта, либо сетевой маркетинг. Надеюсь, вы не про БАДы?

— Нет, — сделала глубокий вдох. — Я про секс.

Он не ответил сразу. Просто моргнул. Один раз, потом второй.

Моргай, моргай, я и сама не верю в то, что сейчас заявляю. Отмотайте назад!

Медленно отставив в сторону бокал, он посмотрел на меня чуть внимательнее и рассмеялся. Не издевательски, а искренне и громко, даже слишком.

— Та-а-ак, вечер перестаёт быть томным, — выдохнул он, вытирая уголки глаз. — Вот так вот? В лоб, без прелюдий и без банального «а вы тут часто бываете?». Молодец. Продолжай, мне интересно.

Я всё ещё чудом держалась. Мозг орал: *«Что ты делаешь, Лисса?! Вали отсюда и перестань позориться! А лучше проходи сначала курсы по соблазнению парней, и потом попытайся второй раз кадрить их»*, но рот не сдавался.

— Я не из этой категории, если ты вдруг уже начал прикидывать в уме мой почасовой тариф, — добавила я быстро. — Просто мне нужен первый раз. Без чувств и без драмы. Опыт с кем-то взрослым и спокойным. И да, я девственница. В некотором роде это мой личный антиквариат, так что всё должно быть милым. Ну, или хотя бы без травм для психики. И нет, это не розыгрыш, и за углом не стоит скрытая камера. Извини, я много болтаю, когда нервничаю.

Пауза. Он продолжал смотреть на меня. Уже не смеялся. Даже не улыбался, а просто смотрел. И я, к своему ужасу,

почувствовала, как начинает гореть лицо.

Какая ты молодец, Лисса. Ты только что предложила секс незнакомцу. Не все так могут! А ты смогла! Bravo!

Касл наклонился чуть ближе, подперев подбородок рукой.

— Значит, ты решила, что лучший способ потерять девственность — это подойти в пабе к мужчине, который только что закончил токсичные отношения, и выдать ему предложение, будто речь идёт о деловой встрече?

— Да, — кивнула я с видом, будто сейчас заключаю контракт на международную поставку кофе. — Именно так.

Он снова медленно откинулся на спинку стула, задумчиво глядя куда-то мимо меня.

— Глупый подход.

— Это ты сейчас отказываешься? — спросила я, стараясь не выдать, что внутри уже дрожу.

Он посмотрел прямо в глаза. Опять тот самый взгляд из нашей игры: глубокий, изучающий, как скальпель.

— Я сейчас в затруднении, и пытаюсь классифицировать свои ощущения, — негромко проронил он. — Мне следует воспринимать это как комплимент? Или как намёк на свою собственную инфантильность? И почему именно я? Я произвожу впечатление настолько доступного объекта?

— Нет. Потому что ты не пытаешься впечатлить, и не изображаешь из себя «самца», а ещё, ты — я сделала паузу, — выглядишь как человек, который не превратит всё в цирк.

— А ты, значит, ищешь не просто секс. Ты хочешь кон-

троль. Чтобы всё было под твоим управлением. И чтобы не дай Господь остаться уязвимой.

— Возможно, — пожалала я плечами. — Или я просто хочу поставить галочку и идти дальше, — закончила я с нервной улыбкой.

Твори, твори, Лисса! У тебя это хорошо получается.

В моём животе не просто бабочки, а целая оркестровая симфония из мотыльков и панических атак. Мои ладони вспотели, и я чуть не провалилась сквозь пол от осознания.

Я. Только что. Предложила незнакомому мужчине секс.

«Никогда не садись за чужой столик со словами предложение», — шептало чувство самосохранения, но я с ним, похоже, не дружила, ведь я уже сидела здесь, напротив чертовски хладнокровного мужчины, который смотрел на меня так, будто выбирал вино на вечер.

Что, если он встанет и уйдёт? Или наоборот. Что, если он согласится?

— И почему я должен соглашаться? — спросил он без особого интереса, озвучивая мои страхи.

— Я подумала, ты захочешь переспать со мной, потому что я обаятельная, у меня сексуальная фигура, я образованная и умная

— Вот насчёт «умной» я бы поспорил, — перебил Касл, не скрывая издёвки.

— Но самое главное, — продолжила я, игнорируя его выпад, — у меня отличная генетика и нет аллергии на глютен.

Меня окончательно понесло. Причём тут вообще глютен?

Касл заржал на весь зал. Именно заржал, а не вежливо усмехнулся. Он смеялся громко, искренне, до слёз. А я сидела напротив без тени улыбки, глядя на него как на внезапно появившегося ночью таракана — исподтишка, зло, почти прожигая взглядом.

Хлопнуть его, как этого самого таракана, хотелось нестерпимо.

Когда он, наконец, немного успокоился, холодно спросила:

— Это как-то связано с невероятным остроумием моей фразы или ты просто издаёшь звуки?

На что он, конечно же, заржал ещё сильнее. Боже, да сколько в нём воздуха? На секунду мне даже захотелось повторить трюк его бывшей с бокалом шампанского. Хотя нет. Я бы целилась точнее.

Наконец, переведя дыхание, он сказал, ещё не отсмеявшись:

— Чёрт. Давно так не смеялся. Да что там, я никогда так не смеялся. Ну, в целом мне нравятся твои аргументы.

Посмотрела прямо ему в глаза и ровным, ледяным голосом ответила:

— Я не шучу. Я серьёзно.

В этот момент к нам подошёл официант. Приятной внешности, слегка смуглый, с аккуратной причёской и вежливой улыбкой. На вид латиноамериканец. Ему, как и всем в пабе,

было жутко любопытно, что здесь происходит.

Он коротко кивнул и спросил с идеально отработанной интонацией:

— Что будем пить?

Уже открыла рот, чтобы озвучить свой заказ, но Касл, не дожидаясь, перебил меня:

— Мне повторить, пожалуйста. А для дамы — что-нибудь безалкогольное.

Безалкогольное?!

— Мне кажется, я сама в состоянии выбрать, что пить, — хмуро сказала, приподнимая бровь.

— Тот, кто делает предложения в стиле «Крестного отца», должен быть готов к ответным условиям, — ответил он с лёгкой усмешкой. — И моё первое условие — никакой выпивки. Ты начала слишком активно «приставать» к незнакомым мужчинам, Лисса. Хочу убедиться, что это твоя воля, а не твой виски.

И он опять нагло ухмыльнулся.

Официант снова улыбнулся. На этот раз, с намёком. Его взгляд задержался на мне чуть дольше, чем положено, с явным оттенком флирта. Ну что ж, не растерявшись, я ответила ему той же монетой: лёгкая улыбка, почти случайный взгляд из-под ресниц. Приятно быть замеченной, даже если ты только что устроила себе собственный эмоциональный казус.

Но стоило мне повернуться обратно к Каслу, как я наткну-

лась на его взгляд. Он смотрел на меня с лёгким прищуром, словно наблюдал за не слишком умелым фокусником, у которого из рукава позорно торчит кролик.

— Лисса, — негромко произнёс он, кивнув вслед уходящему парню. — Можешь расслабиться. Я и так вижу, что ты очаровательна. Не обязательно подтверждать это на каждом встречном.

Мой коварный план по поднятию собственной ценности с треском провалился, едва успев начаться.

— Я просто проверяла настройки связи, — буркнула я, чувствуя, как образ «роковой женщины» пакует чемоданы и уезжает в закат.

— Настройки в порядке, сигнал стабильный, — усмехнулся он. — Давай вернёмся к твоему «деловому предложению». На чём мы остановились? Ах да. Отличная генетика и полное отсутствие драмы.

Но всё-таки. Кто-то тут совсем не любит конкуренцию.

Глава 2. Кружевной торт

*«Секс — это самое большое, что
могут сделать два человека, не
зная друг друга»
Энди Уорхол*

КАСЛ

Я пристально посмотрел на дерзкую девчонку, уже с явным интересом. Она говорила серьезно. Это чувствовалось в голосе, в осанке, и даже в том, как она вцепилась в край стола.

Абсурд? Безусловно. Но она предлагала мне себя с такой деловой миной, будто мы обсуждали падение акций на бирже. Почему современная молодёжь так отчаянно пытается казаться циничной? Будто чувства — это какой-то постыдный пережиток прошлого, вроде корсетов или дуэлей. Они же совсем перестали верить в любовь, наподобие Ромео и Джульетты? Впрочем, неудивительно. Кому понравится закончить жизнь самоубийством?

Чуть склонив голову, стал изучать линии её лица. В ней

было что-то чужеродное этому месту. Слишком много жизни, слишком много искрящейся энергии, которую она пыталась упаковать в образ роковой женщины. Интересно, сколько ей лет?

— Сколько тебе лет, девочка Лисса?

Глаза ярко вспыхнули и она нахмурилась, ей не понравилось это слово, а вот мне понравилась её реакция.

— Столько, чтобы я уже выросла из слова «девочка», — резко отозвалась она.

Её голос дрогнул, совсем чуть-чуть, но я это услышал. Она блефовала с картами, которые едва держала в руках. Мне вдруг захотелось проверить, где предел чужой наглости.

— Время позднее, пора бы тебе домой? Книжки, тёплое молоко, спокойный сон, — продолжал измываться, сам не понимая, зачем это делаю. Наверное, после истерик Элис мне просто хотелось чего-то настоящего, пусть даже это была чужая ярость.

— Мне двадцать. Ладно? — вспыхнула она, и на её щеках выступил тот самый румянец, который невозможно подделать косметикой. — И давай уже закончим этот дурацкий допрос. Я достаточно взрослая, чтобы начать свою сексуальную жизнь без разрешения мамы.

Её голос был твёрдым, но я слышал в нём неуверенность, замаскированную решимостью.

— Знаешь, в чём проблема твоего поколения? — негромко произнёс я. — Вы так боитесь быть уязвимыми, что пре-

вращаете интимность в механику. Тебе кажется, что «поставить галочку» — это свобода. А на самом деле это просто способ сбежать от страха, что кто-то может по-настоящему коснуться твоей души, а не только тела, и оставить там глубокую рану.

Я замолчал, наблюдая, как она осмысливает мои слова. Передо мной сидела наглая, перепуганная девчонка с планом по спасению собственной независимости. Просто пришла и села за столик с намерением. Наглая девственница с миссией.

Ну ты даёшь, Касл! Дожил. Тебя уже снимают девственницы. Видимо, вселенная решила немного отомстить.

— Иди домой, Лисса, — сказал я, наконец.

Голос стал низким, почти угрожающе тихим. Пора прекратить этот едва начавшийся фарс. Продолжаю:

— Тебе не понравится секс со мной, потому что это не будет «мило» и «аккуратно», как в твоих фантазиях.

Глаза сузились.

Ты хочешь поиграть в циников? Ладно. Давай посмотрим, как ты запоёшь, когда правила диктую я.

Она почувствовала эту перемену, но она не отступила.

— Это почему же? — вскинув подбородок, она попыталась вернуть себе инициативу. — Боишься, что не справишься с ответственностью? Или тебе недостаёт опыта? — фыркнула, подначивая.

Я усмехнулся. Этот выпад был почти трогательным в сво-

ей наивности. Цеплял, раздражал и забавлял одновременно.

— Опыта у меня предостаточно, — наклонившись вперёд, вторгся в её личное пространство. — А вот терпения — нет.

— Так в чём дело? — спросила она.

Действительно, Касл, в чём?

— Меня всегда поражало, с какой уверенностью люди принимают собственное дурацкое поведение за норму, — начал я, не сводя с неё взгляда. — Подсаживаются за чужой столик, бросаются словами вроде «секс», как будто это купон на скидку, и при этом всерьёз считают, что контролируют ситуацию.

Сделав глоток, я продолжил:

— Многим кажется, что спонтанность — это смелость. Что откровенность — это честность. А на деле это всего лишь плохо замаскированная растерянность на грани с отчаянием. Ты — пигалица с миссией, я — абсолютно чужой мужчина с пустым бокалом. Разве не идеально?

Я поставил стакан на стол с лёгким стуком и закончил тихо:

— Только вот я не тот, кому стоит подсовывать свои «первые разы». Я не научился быть бережным. И я точно не из тех, кто оставляет после себя приятные воспоминания. И поверь мне, девочка Лисса. Тебе бы *точно* не понравилось, если бы я согласился на твоё предложение, от которого, к счастью, я могу отказаться.

Мои слова прозвучали спокойно. Без насмешки. Просто

констатируя факт.

Девственница бесит.

В её глазах на мгновение мелькнул страх и вернувшийся разум. Вот и славно! Наконец-то включился аварийный режим. Инстинкт самосохранения проснулся и лениво шевельнулся в её голове.

Давно пора, принцесса. Ведь я чёрная дыра в приличной рубашке, солнышко. Было бы невыносимо жалко тебя затягивать.

И если сейчас не отрублю всё на корню, то снова впущу в чужую жизнь очередную катастрофу. А у неё, как назло, глаза ещё светятся. Поэтому, пусть идёт.

Иди, сияй, мелкая. Тебе это к лицу.

ЛИССА

В первые секунды отчаянно боролась с соблазном резко встать и скрыться. Убежать как можно дальше. Касл не просто казался странным. Он излучал опасность, почти физическую, словно беспощадная тень, от которой нет укрытия. А его глаза Боже, они не просто скользили по мне, они гипнотизировали до такой степени, что меня передёрнуло.

— Вот и хорошо, — кивнул он.

Он смотрел сквозь меня, продолжая этот странный диалог

с самим собой:

— И я не занимаюсь созиданием, — пауза и снова этот кивок сам себе. — В моей постели всегда холодно и нет места для нежности, привязанности или того, что ты в свои двадцать называешь «заниматься любовью». Для меня это лишь способ на время заглушить шум в голове.

Да я вроде как тоже не за возвышенной любовью пришла. Поэтому, собственно, и подсела.

Но озвучить свой дерзкий ответ не успела. Касл внезапно подался вперёд — совсем немного, но этого хватило, чтобы я перестала слышать гул бара, и различала только его неровное дыхание. Голос стал совсем тихим, почти вкрадчивым:

— Знаешь, что во всём этом самое отвратительное?

Кивнула в знак согласия, якобы: *Продолжай, удиви.*

— Самое противное то, что ты начнёшь искать этот холод в других. Даже когда рядом будет кто-то «правильный» и тёплый. Потому что я стану твоим эталоном разрушения. Ведь плохое приживается быстрее хорошего.

Какое самомнение! Мне бы хоть половину его уверенности.

Откинувшись на спинку стула и скрестив руки, Касл продолжал смотреть на меня, ожидая реакции. Забавлялся, наблюдая за тем, как пытаюсь собрать мысли.

И эта его нечеловеческая улыбка, будто вырезанная из мрамора. Она смотрелась на его лице крайне неуместно. Нечто, похожее на улыбку *психа*? Нечто, похожее на угрозу.

Или предупреждение. Или и то, и другое сразу. Но проверять мне не хотелось.

— Извини, — прошептала я.

За что я сейчас извиняюсь? За то, что я подсела к нему? Или за то, что я немного подглядывала, когда он приоткрыл дверцу своего шкафа, и оттуда выпрыгнула пара скелетов?

Он печально хмыкнул и кивнул в знак одобрения. Что это вообще было? Что за зверь только что так спокойно говорил со мной, сидя за столиком, с пустым бокалом перед собой?

Это пугало меня до дрожи. Его голос, его спокойствие, его глаза.

И я почти осталась. Потому что в этом безумии было что-то манящее и притягательное. Точно так же, как стоять на краю высокого здания и смотреть вниз. Страшно, да. Но взгляд не оторвать, и вроде даже тянет немного «попробовать умереть».

Нет, Лисса! Нам не нужен такой турист, слишком непредсказуемый и немного психически неуравновешенный. Давай делай ноги, дорогая, и дуй отсюда. Без секса, так без секса сегодня. Найду я кого-то другого «первого раза». Более безопасного.

Резко встала, чувствуя, как колени слегка подкашиваются. Алкоголь в паре с адреналином — гремучая смесь. Плечи напряжены, в горле пересохло. Внутри бурлил коктейль из стыда, злости и немного страха, а в голове крутилась только одна мысль: *Run, Forrest! Run!*

Он тоже встал. Надо же, какая галантность. Мы смотрели друг на друга несколько секунд, и ни один из нас так и не произнёс ни слова. Касл первым разорвал зрительный контакт и протянул руку:

— Приятно было познакомиться, девочка Лисса.

Пару секунд я смотрела на его ладонь, прежде чем решилась вложить в неё свою.

— Вряд ли тебе приятно, — попыталась сразу отдёргнуть руку назад, но он её не выпустил.

Его ладонь плотно обхватывала мою, и мне внезапно стало комфортно там. Это было похоже на объятие того, кто может отгородить тебя от всего мира. Где всегда тепло и уютно. Абсолютный диссонанс с его ледяными глазами. Никогда не думала, что можно почувствовать объятие через рукопожатие и проклятие через взгляд.

— Приятно — не всегда значит легко, — ответил он, так и не выпуская мою руку. — Иногда «приятно» просто принимает другую форму. Ту, где нет места удовольствию.

Мы так и продолжали стоять, оба на ногах, сцепив руки через стол. Немного запрокинув подбородок, смотрела на него снизу вверх — он слегка опустил голову навстречу. Разница в нашем росте была существенной, но правильной, я бы даже сказала идеальной. Словно сценарий для поцелуя. Ему бы пришлось лишь слегка наклониться ко мне, а мне — поднять голову навстречу. В эту секунду мы, должно быть, смотрелись чертовски гармонично.

Оторвав взгляд от его лица, я посмотрела на наши руки. Его большой палец медленно, почти нежно поглаживал тыльную сторону моей ладони.

— Расскажи, — я выдержала многозначительную паузу, и продолжила: — Каково это, когда ты сознательно упускаешь из рук удовольствие?

Кивком указала на наши сплетённые пальцы, подчёркивая его ласку. Он выпустил меня из плена своего взгляда и тоже посмотрел вниз, где его пальцы продолжали медленно гладить мою кисть.

Не поднимая головы, Касл ответил:

— Это как холодный душ по утрам. Ты опасаясь под него заходить, но в то же время понимаешь, что это закалит твоё тело, и оно перестанет быть уязвимым к очередному внешнему фактору и случайным бактериям. Это сделает тебя сильнее. Устойчивее. Стабильнее.

Моя рука наконец свободно упала вниз, а мне нестерпимо захотелось его обидеть:

— Так вот что ты делаешь? Ты закаливаешься, никому не позволяя зайти с тобой под этот холодный душ и хоть немного тебя согреть? Чтобы не дай Господь остаться уязвимым? — возвращаю ему ту же ранее произнесённую фразу и, ужесточив голос, продолжаю: — ведь проще притвориться немного психом, и бросаться угрозами, но зато остаться эмоционально целым.

Сделав маленький шаг назад, и не сводя с него глаз, про-

должила:

— И вот мне жутко интересно кто сумел тебя настолько сломать, что ты начал чётко делить мир только на чёрное и белое?

Он снисходительно улыбнулся, и на пару секунд мне показалось, что я перегнула палку в попытке казаться остроумной.

— Наоборот — произнёс он.

— Что?

— Когда всё сломалось, я выяснил, что мир состоит из целого спектра.

— Сломалось *что*? — спросила я.

Этот разговор захватил меня целиком. Он стал важнее, чем весь заранее спланированный вечер. Мне хотелось продолжать узнавать его и по-прежнему хотелось во всём этом участвовать.

— *Кто*... — коротко поправил Касл.

— Ты? — переспросила я, уверенная, что он не посмеет быть достаточно откровенным и не признает, что этот «кто» — он сам.

— Мы, — ответил он.

— «Мы» — это кто? — не сдалась я.

Во мне окончательно проснулся детектив. И моё пока ещё слабое чутьё подсказывало, что я перешла черту, и ответа больше не будет.

Касл опустил взгляд, и его голос стал ровным, почти без-

жизненным:

— Беги домой, девочка Лисса. И найди кого-то другого, чтобы согрел тебя в душе.

Мы смотрели друг на друга вечность, продолжая наш странный немой диалог. О чём бы он был? Наверное, он бы позвал меня в свой ледяной душ, а я бы прижалась к нему, пытаясь согреть его своим телом.

— Бактерии бывают иногда полезными. — Бросила я напоследок.

Развернувшись на каблуках, я решительно пошла прочь. Стараясь держать спину ровно, как учила меня Клэр. Спокойно. Не оборачиваясь.

Компания пьяных парней у барной стойки достигла своего пика. Один из них раскачивался из стороны в сторону, как плохо закреплённый манекен. Другой громко икнул. Ещё один споткнулся о собственную ногу.

Да, ребята, вам бы домой. И срочно.

— Эй, красотка! Не хочешь составить нам компанию? Нам скучно! — крикнул один из них.

Только этого мне не хватало для полного счастья.

— Отвали, — ответила коротко, даже не замедляя шага.

Моё настроение, как и моё платье, было безнадежно испорчено, и вступать в перепалку не собиралась.

— У-у-у, да она тебя послала, Нор! — загоготали его друзья.

Нор, видимо, был не из тех, кто умеет проигрывать красиво. Догнав меня в два шага, он резко схватил за руку чуть выше локтя, заставляя остановиться.

— Не так быстро, сладкая. Пропусти со мной рюмочку, — пробормотал он, обдавая меня кислым перегаром.

— Я же сказала — отвали! — процедила я, пытаюсь выдернуть руку, но он держал намертво.

— А в чём дело? Я не в твоём вкусе? — прорычал он, склонившись почти вплотную.

— Нет. Совершенно не в моём, — ответила я твёрдо, хотя колени уже начали подкашиваться.

Ублюдок резко дёрнул меня к себе. От него разило адской смесью пива, водки и табачного дыма. Меня едва не вывернуло.

Судорожно огляделась, искала, за что зацепиться взглядом, и наткнулась на Касла. Он всё ещё сидел там, в центре зала. В его взгляде не было ни капли сочувствия. Только холодное, почти научное любопытство.

Ждёт, когда я закричу? Или когда этот кретин потащит меня к выходу, туда, куда он сейчас так рвался? Неужели ему настолько всё равно?

Снова попыталась вырваться, но Нор только сильнее

впились пальцами в моё плечо, обдавая меня очередной волной своего умопомрачительного дыхания.

Касл не двинулся с места. Потягивая свой напиток, он продолжал наслаждаться моей безвыходностью с таким видом, будто это было лучшее представление, которое ему доводилось видеть за долгое время. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Словно выжидал, когда я окончательно сломаюсь и закричу о помощи, признавая своё поражение.

Чёртов садист. Хочет посмотреть, как далеко зайдёт этот «спектакль», прежде чем я превращусь из роковой женщины в напуганную девчонку?

Нор снова дёрнул меня, и я едва не упала, ударившись бедром о край барной стойки.

— Эй, я с тобой разговариваю! — прорычал прямо в ухо. — Идём, выпьем, и ты станешь гораздо покладистее.

Неужели я всё ещё верю в сказки про рыцарей?!

— Нор, может, она и правда слишком капризная? Не твоего калибра, — подал голос один из его пьяных друзей. — А как насчёт меня-а-а-а?

Компания залюлюкала. Я снова посмотрела на Касла, и он в ответ поднял бокал.

Поднял бокал. Отсалютовал мне. Вскинул одну бровь и едва заметно повёл плечами, в точности как я полчаса назад, будто: *Вот что бывает, когда одинокие девочки илятся по пабам без присмотра.*

«Канны» говорила, что он козёл. Я согласна.

Меня здесь тащат, а он сидит с таким видом, словно смотрит шоу талантов и выставляет баллы за выносливость. Мог бы и спасти, чёрт бы его побрал.

— Отвали, Том! Сегодня она моя! — рявкнул Нор, чувствуя мою слабость, и сжал мою руку так, что в глазах потемнело.

Непрошенные слёзы подступили к глазам. Меня первый раз так грубо лапают. Беспомощно посмотрела в сторону бармена, который уже взял телефон, надеясь, что он вызовет полицию, а не начнёт снимать рилс.

Рискуя получить травму, я рванулась из последних сил, и, к моему удивлению, рука выскользнула из захвата. Отступив на шаг, я с размаху врезалась в очередное тело позади себя.

Господи, нет.

Чьи-то сильные руки сразу обвили талию, крепко и жёстко. Я уже в панике обернулась, готова обороняться, но увидела его. Касла. Слишком близко. Слишком спокойный. Но злой? Да. Определённо злой. Только не на меня. Его взгляд был прикован к парням, а точнее — к одному конкретному. Нору.

— Тебе сказали — отвали, — спокойно произнёс он. И в тот же момент притянул меня ближе к себе.

Плотно прижалась к нему всем телом. А попа оказалась аккуратно прижатой к его паху. Покраснела до ушей и непроизвольно дёрнулась ближе к нему.

Почему я вообще делаю это так легко?

Касл склонил голову и выдохнул мне в волосы. Моя грудь тут же предательски откликнулась на близость. Мысли на мгновение сбились, и всплыла какая-то глупая чушь, про то, что у нас заварушка намечается, а я возбуждаюсь. Отличный тайминг. Всегда так, когда я на грани истерики. Кто-то кусает губы, а меня клинит.

— Ты чертовски хорошо умеешь цеплять неприятности на свою задницу, — прошептал Касл в ухо.

Я повернула голову, почти касаясь его губ, и мы замерли так на несколько секунд.

— А какая задница без проблем? — ответила я, пытаюсь улыбнуться.

Он на секунду задержал взгляд на губах, а потом медленно опустил его ниже, на мою грудь, где под тонкой тканью платья уже неприлично торчали соски. И почему выбрала вечер без бюстгальтера?

— Виски — начал он.

— Не пьётся с лимоном? — спросила я.

— Тебе налили односолодовый, — ответил он, и в его голосе проскользнуло нечто, подозрительно похожее на приговор.

КАСЛ

Мне хватило одного её вдоха рядом с моими губами, чтобы что-то во мне сорвалось. Не щёлкнуло, а именно сорвалось. Как хрупкий замок, удерживающий зверя за решёткой.

Я захотел её. Сразу. Без прелюдий и лишних слов. Раздеваю. На моей кровати. Подо мной. Такую крошечную, дерзкую и до одури наивную. Именно так, как она планировала сегодня. Может, немного грубее, чем в её фантазии.

И эти глаза. Голубые, как небо. Смотрел в них, не отрываясь, будто второго шанса не будет. Глубокие, без токсичного прошлого и ещё не отравленные болью. В этих глазах я видел приглашение к вечности, в которой не страшно было раствориться. Они напоминали мне о чём-то, чего я никогда не испытывал. И, возможно, никогда не испытаю.

Отпусти её, Касл! Спасай девчонку, поцелуй в щёку и проводи до первого свободного такси. Это не твоя история, ты не герой её книги. Ты — катастрофа, от которой нужно держаться на расстоянии. Ты ведь уже знаешь финал этого сценария.

Но парни продолжали нарываться. Их голоса доносились как сквозь слой ваты, мешая мне смотреть на неё.

Как же не покалечить их?

Я взглянул на мальчишек. Толпа разогретых алкоголем самцов, готовых «впечатлитель» девушку стадным поведением. Пьяные, вонючие и самоуверенные. И до смешного уязвимые.

И я улыбнулся им.

Хорошо. Поиграем.

— Чувак, я первый её зацепил! Найди себе другую. Нас много, а ты один. Отвали! — заявил какой-то особо самоуверенный.

Я шагнул вперёд и, подвинув Лиссу к себе за спину, сказал спокойным, почти ленивым голосом:

— Этот вечер мой, парни, и вы портите *наше* свидание.

Эти парни даже не догадывались, насколько им повезло, что я всё ещё разговариваю с ними.

— Мы всё видели, чувак, девочка тебя отшила. Значит, она не с тобой, а значит — она свободна, — пробубнил один из них.

Настырные-то какие. Идиоты.

— Я уже внёс свой взнос, ребята.

Блестяще, Касл. Ты только что вслух назвал её

— Что?! — взвизгнула она рядом.

О, а вот и реакция. Извини, малышка, не знаю, какой бес дёрнул меня за язык. Сам в шоке от того, что выдал. Какой, к чёрту, взнос? Что за собственнический бред вылетел из моего рта? Но её близость и эти придурки напротив, переклинили меня.

— Какой ещё взнос?! — зашипела она, и я кожей почувствовал её ярость. — Что ты вообще такое несёшь, чёрт тебя побери! Я тебе не, — и уже тише, будто само слово было запретным, — проститутка.

Дипломатия официально мертва. Согласен, не самые под-

ходящие слова, чтобы уладить конфликт, но это было хоть что-то.

И тут увидел, как Нор сделал ещё одну попытку, резко потянув её за рукав, разорвав часть её платья.

Треск и ошибка. Его. Не надо было её трогать.

Одним движением, не более чем лёгким щелчком запястья, я отшвырнул его. Тело Нора с глухим стуком рухнуло к ногам друзей. Они растерянно моргнули. Видимо никто не понял, в какой именно момент это произошло. Глаза у парня стали стеклянными — то ли от удивления, то ли от того, что его затылок встретился с полом.

— По-моему, я выразился предельно ясно, — сказал я ровно и спокойно.

Опять отодвинул Лиссу за спину, ровно в тот момент, когда один из противников сорвался с места и бросился на меня. Он не успел преодолеть и пары шагов. Мой кулак встретил его лицо с беспощадной точностью хирурга. Его отбросило к барной стойке и, пролетев около трёх метров, рухнул, тяжело ударившись. Остальные застыли на долю секунды, а затем с яростным рёвом ринулись на меня толпой.

Прекрасно.

Мышцы гудели от напряжения. Энергия, подавленная последние недели, наконец вырвалась наружу. Это была не драка, а скорее разрядка. Сброс накопившегося давления. Пьяные тела летели, падали и сыпались на пол, точно мешки.

Я знал каждую уязвимую точку человеческого тела.

Удары были точными и короткими. Они не были зрелищными, зато отличались эффективностью.

Через минуту в зале стояла тишина и пять тел лежали на полу. Кто стонал, кто просто не мог двигаться, а бармен застрял с телефоном у уха, прошептав мне «спасибо».

Мне не тяжело. Всегда пожалуйста, — кивнул я ему.

А я стоял. Один. И дышал глубоко. Всё ещё заведённый и всё ещё злой. Всё-таки покалечил их.

Выпрямился. Спина ровная, дыхание почти выровнялось. На мне ни капли пота, ни следа усталости, но какая-то нелепая кровь на моей белой рубашке. Среди стонов и ругательств один из парней попытался встать, но тут же рухнул обратно.

Слабость. Люди. Они поразительно хрупки, но при этом невероятно прекрасны. Им принадлежат удивительные вещи, ценность которых они, к сожалению, не способны осознать. В этой хрупкости кроется одновременно и их проклятие, и их величайшая сила.

Я повернулся к девчонке.

Она всё ещё стояла чуть позади, будто приклеенная к месту. Зрачки были расширены, рот слегка приоткрыт — смесь чистого ужаса, ошеломляющего шока и... немного азарта? Хм! Неожиданно и интересно.

Женщин всегда притягивает сила. Особенно та, что кажется нецивилизованной и почти первобытной. Это древний, животный инстинкт, прорывающийся сквозь социаль-

ные условности. Но я-то прекрасно знал, чем всегда заканчивается подобный сценарий. Для них — разочарованием. Для меня — очередным пятном на чём-то, что уже давно не называлось совестью.

Я медленно подошёл к ней. Она не отступила.

Храбро. Красиво. Но глупо.

— Ну что? — сказал я тихо, почти беззвучно. — Понравилось?

Она попыталась что-то сказать, но вместо слов получился просто глубокий вдох.

— Ты хотела опасности? Приключений? Вот они, — таким же спокойным голосом продолжил я и кивнул на кучку валяющихся тел.

— Кажется, я забыла завязать свою ленту на твоих доспехах, — дерзко парировала эта бессмертная.

В зале стояла мёртвая тишина. Ни один посетитель не проронил ни слова. Под этим молчаливым аккомпанементом я направился к своему столику, взял пиджак и вернулся к ней. Набросил его ей на плечи, скрывая разорванное платье и слишком обнажённое тело от чужих взглядов.

Она медленно кивнула в знак благодарности. Никаких словечек больше не слетело с её губ, словно кошка укусила её за язык.

И беда в том, что она всё же не ушла.

Проклятье!

Я открываю дверь своей квартиры и буквально вталкиваю Лиссу внутрь. Не деликатно, а наоборот, немного резко и бесцеремонно. На её протесты и возмущённые визги не обращаю ни малейшего внимания. Сам факт её присутствия здесь приводит меня в бешенство.

Интерьер, как обычно, встретил меня тишиной и холодом. Пространство было продумано до миллиметра: смесь хай-тека и арт-деко, мужское, строгое и рациональное. Одним словом — скучное. Всё говорило о порядке, о контроле и об отсутствии хаоса. Это была временная территория, где чувства не приживаются.

Мне нравилась эта квартира. Точнее, я её терпел. Она не мешала мне быть собой. Пока здесь не появилась эта громкая женщина.

Она яркая, слишком эмоциональная и слишком живая. Вспышка цвета в этой серой коробке, которая жутко раздражала и била по нервам, как шум за стеной в три часа ночи.

Невыносимо женственная.

Неудачный день.

Для неё.

— Чувствуй себя как дома, — бросил я с сарказмом. Голос стал жёстче.

Я был настолько взбешён, что будь под рукой подходящая шея, то сжал бы её до хруста. Вместо шеи под рукой мельтешила девчонка, не умолкая ни на секунду.

Она тараторила без остановки:

что её унизили,

что она в ярости,

что могла бы и сама разобраться,

что вообще не нуждалась в моей «рыцарской помощи»...

Шум.

Я зажмурился. Один вдох. Один выдох.

Ты сам привёл её сюда, Касл. Теперь разбирайся. Надо было дать в морду наглому таксисту и вызвать другого.

Перед глазами всё ещё стояла сцена на парковке. Наглый таксист слишком сально пялился на её разорванное платье, но не это стало окончательным аргументом. Когда из паба вывалился один из тех типов, что получили от меня пару минут назад, и обменялся странным взглядом с оставшимися на стоянке водителями, игра изменилась.

Оставлять её там, взвинченную и в разорванном платье, было нельзя. Её бы перехватили на первом же перекрёстке. Я устало вздохнул, развернулся вместе со своей протее и втиснул её в свою машину, припаркованную рядом.

— Надо же, — бросила она, наконец-то немного замолкнув и окинув взглядом интерьер. — Стерильная мужская берлога. Чёрно-белый, серый очень символично. Всё как у тебя в голове, да?

Я опасно прищурился:

— Хочешь сказать, бездушно или серо?

— Хочу сказать: ты пытаешься создать себе видимость порядка и тебе чертовски не нравится, что я его нарушаю.

Неплохо. Быстро соображает.

Прошёл мимо неё, молча открыл барный шкаф и плеснул себе скотча. Предлагать ей не стал, с неё на сегодня хватило. Свободной рукой стянул через голову рубашку, мокрую и испачканную, и кинул её в сторону.

Она продолжала осматривать квартиру, будто выискивая слабое место, но вместо слабости нашла зеркало в полный рост и застыла у него.

— Красивая? — спросил я её, облокотившись на стойку, намекая на её отражение.

— Всегда, — парировала она, не оборачиваясь. Потом добавила: — В этом зеркале хоть что-то отражается.

Ах ты...

— У тебя острый язык.

— И ты, судя по всему, не привык к тому, что с тобой разговаривают без страха.

— Я привык, что страх — это инстинкт самосохранения. А ты с ним, похоже, не знакома.

Она, наконец, плавно повернулась ко мне. В её взгляде читалась сложная смесь холодной логики, тонкой иронии и едва заметной, но пульсирующей злости. И что-то ещё, что заставило меня присмотреться: искреннее любопытство, слов-

но я был для неё сложной, неразгаданной головоломкой.

Логичная, злая и любопытная женщина. Опасный коктейль.

— Я не боюсь тебя, Касл.

— Напрасно, — спокойно ответил.

— Возможно, — она подошла ближе, но не вплотную, оставив приличное расстояние между нами. Умница. — Но это не значит, что я потерплю в свой адрес унижения и позволю кому-то вести себя со мной по-хамски. И ты не исключение, даже учитывая твоё «героическое» вмешательство, — продолжила она.

Я ничего ей не ответил, а она просто стояла и смотрела на меня, будто видела насквозь. Как будто знала, что под всем этим — кто-то другой. И впервые за долгое время я почувствовал себя увиденным. Она не флиртowała, не провоцировала и не строила из себя жертву. И, чёрт возьми, именно это и было самым опасным.

— Зря ты сюда пришла, Лисса, — тихо сказал я.

— Ты меня особо и не спрашивал, куда я хочу, не так ли? Кстати, спасибо, что ты не разбился на машине, мне моя жизнь ещё дорога. Так что, если кто и зря пришёл — это ты — сказала она и резко замолчала, сразу понимая, какую глупость выдала.

В моём-то доме?! Зря пришёл в собственный дом? Какая наглость. Похоже, она сама не понимает, что там говорит.

Промолчав, я позволил тишине затянуться, и опять начал

внимательно её рассматривать. Её щёки пылали. Трудно было сказать, от чего именно. То ли от её злости, то ли от холода, проникшего с улицы, или, что казалось мне наиболее вероятным, от мощной дозы адреналина, полученного в пабе.

Взгляд невольно опустился на платье. Разорванное, оно обнажало больше, чем скрывало. Белая ткань чуть сползла, образовав декольте, идеально подчёркивающее форму груди. Всё в ней кричало о хаосе, который пробуждал во мне что-то первобытное.

Именно это и бесило. Это. И её вид.

Чёрт! Не смотри на неё!

А она продолжала говорить. Медленно, чётко. Слишком умно, слишком гордо и слишком уверенно.

Мне было плохо. Было немного нервно, страстно и немного предвкушающе. Я не хотел это состояние.

Гони её домой, Касл! Она ещё мелкая. Пусть убирается отсюда.

Я завёл обе руки за голову, сцепив пальцы на затылке. Как бы расслабленно, но каждый мускул под кожей был натянут до предела. Голова чуть опущена, взгляд из-под лба прямой, тяжёлый. Смотрел на неё и даже перестал слушать, о чём она там тараторит.

И почему она столько болтает, чёрт?! Бесит.

— Ты пришла ко мне с идиотским предложением, а теперь сидишь в моём доме и читаешь мне мораль?

Бросил какую-то чушь про испорченную рубашку и про

то, что выставлю ей за неё счёт.

Что за бред несёшь?

А она говорит, мать её! Говорит опять что-то про унижение, манеры и приличия. А я, вместо того чтобы поставить её на место, не нахожу ничего лучше, как рассматривать её грудь.

В итоге её настойчивые причитания о том, что я якобы классифицировал её как работницу древнейшей профессии, окончательно вывели меня из себя.

Чтобы добить, я специально выдал:

— Тебе, может, дать немного денег на бельё?

Кивнул на её грудь, откровенно проступавшую под тонкой тканью — мой пиджак совсем не помогал скрыть это. Намёк был недвусмысленным. Пусть бесится дальше, не я один же.

Ну давай, обидься уже и заткнись! Замолчи ради всего живого во мне и ничего не отвечай. Просто попроси вызвать такси, малыша.

Вытащил даже телефон из кармана, собираясь это сделать, как она всё же продолжила:

— Вот он настоящий ты. Наконец-то маска слетела.

Триггер и последняя капля.

Поднял подбородок, зажмурился. Вдох. Выдох. Вдох.

*Психологи говорят: дыши. Я дышу, б**ь! Бесполезно.*

Я слишком долго сдерживался. А она как огонь, в который я добровольно лью бензин.

— Если ты скажешь хоть одно слово, кроме «спасибо,

Касл», — тихо прошипел я, — ты получишь свой обещанный секс. И поверь, я окончательно забуду и про манеры, и про то, что у тебя это будет в первый раз.

Она замерла. На долю секунды в её глазах мелькнуло нечто близкое к напряжению. Но она тут же собралась и, глядя мне прямо в глаза, сдержанно ответила:

— Такой собранный, весь под контролем... — её голос буквально сочился сарказмом — Забавно наблюдать, как тщательно выстроенный образ начинает трещать по швам, — она усмехнулась.

Какая дерзкая мне попалась. И инстинкт самосохранения ей явно не завезли.

Я ведь тебя предупредил. Почему ты не слушаешься?

Сделал шаг вперёд. Она не отступила. Снова шаг. *Снова не двинулась.* И тогда спросил:

— Как там должно быть? Милым?

ЛИССА

Касл приближался ко мне, как в книгах, то есть как хищник к добыче — плавно и не отводя взгляда. В его глазах сверкала ярость, перемешанная с желанием.

Я поняла, что допустила ошибку. Не надо было его провоцировать, но язык так и чесался огрызнуться в ответ. Мозг

пытался выдать очередной «умный» ответ и развеять конфликт, но не находил ничего. Замерла. К счастью, инстинкты сработали быстрее. Отступила на шаг, врезалась спиной в барную стойку и резко свернула в кухню.

Шикарная кухня — мрамор, стекло, строгие линии.

Красиво? Да.

Безопасно? Нет.

Единственный выход вёл через гостиную. А в проходе стоял Касл. Высокий, широкоплечий и сверкающий глазами, в которых уже не было ни капли сомнения. Невольно проследила за линиями его торса. Чёткая буква V на поясе Аполлона указывала вниз, где даже плотная ткань брюк не могла скрыть его очевидного желания. Касл стоял неподвижно, но всё в его позе заявляло о праве собственности.

Непроизвольно двинулась назад. Паника нарастала, и мозг, наконец, активировался.

Немного поздновато, не так ли, мозг?

Что за дешёвый спектакль?!

Лисса, прекрати немедленно пятиться назад, как испуганная лань. Ты не лань, чёрт тебя подери, а разъярённая пантера. Самое подходящее время расцарапать ему глаза.

— Какая предсказуемая сцена... Напугать девушку в тёмной кухне. Это и есть вершина твоего мастерства? — голос дрогнул, но я из последних сил вцепилась в холодный край столешницы.

— Стой там, где стоишь! — выкрикнула я в тот момент,

как его тень уже неумолимо накрывало меня.

Но он продолжал шагать. Медленно. Неотвратно. Словно мои слова были для него лишь тихим шелестом листвы. В каждом его движении была сдержанная сила, готовая вот-вот вырваться наружу.

Между нами оставалось всё меньше пространства, и я кожей почувствовала исходящий от него жар и запах скотча.

— Если ты сделаешь ещё один шаг, я закричу. Серьёзно, Касл. Не смей! — голос сорвался на высокой ноте, и я спиной почувствовала, что отступать больше некуда. Сзади только холодный мрамор и тупик.

А он засмеялся.

Сначала уголки его рта приподнялись в лёгкой ухмылке, потом последовал тихий смешок, который быстро перерос в открытый, низкий смех. Его глаза вспыхнули — тёмные, возбуждённые, с едва заметными искрами безумия. Он был слишком сексуален.

Слишком псих.

Мои инстинкты переметнулись на его сторону, игнорируя вопли рассудка. Страх смешался с каким-то тёмным восторгом, от которого потяжелел низ живота, вследствие чего мои щёки вспыхнули. К моему глубокому разочарованию в самой себе, меня трясло не от страха, а от желания. И это пугало сильнее всего. Я не хотела признавать, но хотела его. Именно такого злого, открытого и немного сумасшедшего.

— Кричи, — проговорил он хрипло, и его голос скользнул

по коже. — Я хочу услышать, — добавил он, подходя ближе, медленно и почти ласково. — Твой голос

Не заметила, в какой момент расстояние между нами исчезло. Касл был слишком близко, не оставляя мне ни единого шанса на глоток кислорода. Его близость обжигала даже через ткань пиджака, всё ещё висевшего на моих плечах.

В отчаянной, последней попытке остановить это безумие, я выставила раскрытую ладонь перед собой в жесте «стоп». Но вместо того чтобы замереть, он мгновенно перехватил её и притянул меня к себе. Не разжимая пальцев, Касл поднёс мою кисть к своим губам. Закрыв глаза, он глубоко вдохнул запах кожи, а затем припечатал клеймящий поцелуй прямо в центр ладони.

Тут же он поднял мою руку и закинул её себе за шею, вынуждая потянуться за ним. Движение вышло почти плавным, и уже в следующую секунду он притянул меня к себе, стелкивая наши тела.

Его свободная рука тут же скользнула за спину, обхватывая талию. Он прижал меня к себе так плотно, что почувствовала каждую линию его тела, каждый напряжённый мускул. Касл наклонился и коснулся своим носом моего. Такой интимный и домашний жест, будто мы были давно сложившейся парой.

Пиджак сполз с плеч и упал на пол. Тонкое платье вдруг стало слишком малым и слишком прозрачным против его обнажённого торса.

Его губы замерли в миллиметре от моих. Я чувствовала, как жар его груди жжёт через ткань моего платья, обжигая соски, ставшие от этого контраста болезненно чувствительными. Сердце колотилось где-то в горле, а запах его кожи сводил с ума.

Слишком близко.

Слишком всё.

Мы вдохнули одновременно.

Не смей отпускать, — подумала я, но прошептала ему в губы:

— Отпусти.

Но голос он не слушался. Это был не решительный приказ, а сладостное приглашение. Шёпот, завернутый в чистое, отчаянное желание.

Как я хотела его.

— Не могу, мелкая. Уже не могу, — прохрипел он, едва сдерживая дыхание.

И он поцеловал меня так, что мир вокруг исчез. Властно, жадно, без права на возражения, оставляя только этот момент и ощущение его близости.

Касл легко подхватил меня за бёдра и усадил на край стола, будто вообще ничего не весила. Холод мрамора мгновенно обжёг кожу через тонкую ткань платья, выбивая из лёгких остатки воздуха. Я едва успела осознать, как мои колени разошлись в стороны, впуская его в моё пространство. Теперь он стоял вплотную, возвышаясь надо мной. И расстоя-

ния между нами больше не было.

Я перестала думать и начала чувствовать.

Его руки были везде. Они будто знали моё тело лучше, чем я сама. Уверенные, властные, они скользили по бёдрам вверх, задирая подол и не спрашивая разрешения.

Я теряла голову и мне чертовски нравилось её терять. Нравилось растворяться в его поцелуях, в его жадных касаниях. Кожа горела под его губами на моей шее. Мне нравились его крепкие объятия и вкус его языка. Он целовал так, будто делал это тысячу раз до этого и каким-то сверхъестественным образом знал, какие поцелуи нужны.

Если уж позволила ему победить, то я хотела помнить каждую секунду этого момента. Каждое движение пальцев и каждый хриплый выдох мне в шею.

Горячие ладони скользили вниз по моим ногам, а затем снова скользили вверх, сминая и поднимая подол платья. Тонкий шёлк послушно собирался у талии.

Одна рука мёртвой хваткой вцепилась в бедро, а вторая, преодолев кружево, скользнула между ног. Его горячие и властные пальцы, нашли клитор. Не теряя контакта с моими губами, начал медленно, почти ритмично водить вокруг него. То едва касаясь, то нажимая сильнее. Этот ритм разбирал меня. Тихий стон вырвался прямо ему в рот, и тело само подалось навстречу его ладони.

Я чуть прикусила его нижнюю губу — не специально, скорее инстинктивно. Ответом стал низкий рык, вибрирующий

в его груди, словно он наконец получил знак, которого ждал. Его свободная ладонь отодвинула ткань платья и накрыла мою грудь, очерчивая пальцами её округлость и нежно сдавливая ставший слишком чувствительным сосок.

Больше не думала.

Плевать на то, правильно это или нет. В этот момент существовали только мы и эта кухня.

Он продолжал целовать меня жадно, теряя контроль от моей близости. Его дыхание становилось всё горячее, движения — резче, крепче, но не грубее. Напротив, в его напоре была странная сдержанность, словно он боролся с собой, стараясь не утонуть в этом вместе со мной.

В какой-то момент Касл прервал поцелуй.

Его лоб коснулся моего, и мы замерли. Только горячее и рваное дыхание выдавало, что происходит. Медленно убрал руку из-под кружева моих трусиков и немного отстранился. Наши взгляды встретились. Его глаза просили прощения, а мои задавали немой вопрос: «За что?»

Не дождавшись ответа, Касл снова наклонился. Поймал мою нижнюю губу зубами — осторожно, почти нежно — и потянул. Медленно. Это вызвало новую волну похоти, которая ударила в низ живота и отозвалась тягучим взрывом в промежности. Послушно раздвинула ноги ещё шире, снова впуская его между бёдер.

Рука снова скользнула под кружево трусиков. Пальцы двигались так уверенно, словно он знал меня всю жизнь. Один

настойчиво терзал мой клитор, а второй проник внутрь, отчего меня резко накрыло.

Он наклонился, и его рот широко и жадно захватил мою грудь. Инстинктивно я откинула голову назад, выгибаясь и абсолютно открываясь ему. Властный рот на коже, ощущение жара и невероятной мужской силы, всё это заставляло меня окончательно сдаться.

Каждый вдох превращался в стон, а головокружение затмевало последние остатки разума. Тело отзывалось на каждое движение, словно оно было создано только для этих рук. А сознание будто наблюдало за нами со стороны, с изумлением и невольными аплодисментами.

Движение пальцев стало ритмичным: *внутри — и обратно, глубже — и вверх*. Он растягивал меня, дразня меня непрерывными ласками, и я больше не могла сдерживаться. Всё внутри сорвалось. Не одна, а целая цепь волн прокатилась по телу, и я с громким, криком содрогнулась, кончая прямо на его пальцы.

— Касл

Я лихорадочно ловила воздух, не в силах прийти в себя. Его тело было напряжённым, как натянутая струна, будто он всё ещё боролся с собой. Но решение уже было принято.

Звук расходящейся молнии на джинсах прозвучал в тишине кухни слишком громко. Не успела даже выдохнуть, когда его член вошёл слишком резко в меня, заставляя позвоночник выгнуться дугой, а горло — опять выпустить крик.

Это не было нежно. Это было сокрушительно.

Он заполнил меня целиком, до самого предела, слишком глубоко, так что на мгновение я ослепла от резкой боли. Хотелось упереться руками в его твёрдую грудь, оттолкнуть и потребовать немедленно выйти, но Касл замер. Он вжался в меня, давая моему телу время привыкнуть к его размерам.

Его губы тут же нашли мою шею. Мягкие, успокаивающие поцелуи спустились к ключице, возвращая мне возбуждение. Я судорожно стиснула его плечи, впиваясь ногтями в кожу, будто пыталась зацепиться за ускользающую землю.

— Выходи — тихо прошептала.

Но кажется, он не услышал. Его язык прошёлся вдоль шеи, а губы шептали что-то, чего я не могла разобрать из-за оглушительного шума в ушах. *Он не давал мне зацепиться за боль.*

— Потерпи, маленькая... Сейчас пройдёт, — прошептал в ухо.

В его голосе смешались нежность и ярость, страсть и что-то гораздо более глубокое, от чего внутри меня всё окончательно рухнуло.

Он начал двигаться внутри меня. Сначала медленно, давая прочувствовать каждую глубину своей силы, а затем всё более уверенно. Одна рука жёстко прижала меня к себе за поясницу, в то время как губы снова скользили по моей шее, оставляя горячие следы: то невесомые поцелуи, то резкие, жадные укусы.

Вторая ладонь накрыла грудь. Его пальцы дразнили чувствительные соски, а движения его тела становились всё мощнее и глубже. Я больше не понимала, где заканчивается тупая боль растяжения и начинается обжигающее удовольствие. Всё смешалось, превратившись в один огненный вихрь.

Он стал быстрее двигаться.

Я вскрикивала, не в силах сдерживаться. Мои руки хаотично цеплялись за его плечи, чтобы просто найти опору, и удержаться в этом шторме. Я тонула в нём. Касл держал меня так крепко, словно боялся, что я исчезну, если он ослабит хватку хоть на мгновение.

— Касл — выдохнула я, сама не зная, прошу ли я его остановиться или умоляю не прекращать.

Он не ответил. Только коротко посмотрел тёмным и тяжёлым взглядом. Сильнее прижал меня к себе, и секс поменял свою траекторию. Стал грубее, *жёстче и глубже*.

Он кончил. Во мне.

Чёрт Во мне, мать его! Он что, не знает, как рождаются дети?! Теперь мне надо ещё таблетки специальные купить, если не хочу так рано становиться мамой с синяками под гла-

зами.

Возбуждение испарилось, сменившись резкой болью, словно внутрь загнали нечто большее, чем просто его плоть. Трудно было судить о его размерах, но казалось, будто во мне побывала бейсбольная бита. Тяжесть между ногами, пульсация — неприятная, неотступная. Неужели это нормально? Неужели у всех так? Чтобы, мать его, «первый раз»!

Слёзы сами покатались по щекам. И дело было не в сентиментальной потере девственности — какая, к чёрту, лирика? Это была просто физическая резь.

Он всё ещё был внутри.

Я почти бессознательно вцепилась зубами в его плечо. Не потому, что хотела укусить, а потому, что нужно было за что-то держаться, пока он так грубо меня трахал. Нужно было куда-то выплеснуть всё, что горело внутри, и оторвать от его плеча хороший кусок.

Он начал медленно выходить, и с каждым миллиметром мне делалось только хуже. Пустота внутри становилась ещё ощутимее. Ткани влагалища горели, пульсируя в такт ударам сердца.

— Мне больно, — прошептала я.

Не жалоба. Просто констатация факта. Тело просто ныло, и я прижалась к нему крепче. Может, чтобы не чувствовать этой пустоты. А может, просто потому что не хотела, чтобы он ушёл. Он тоже прижал меня к себе и стал медленно водить ладонью по спине.

— Знаю. Прости, — его голос стал неожиданно мягким.
— Ты сводишь меня с ума. Я теряю контроль.

Он поцеловал меня в висок. Долго. И крепко обнял. Не как мужчина, только что добившийся своего, а как человек, которому действительно не всё равно.

От этой нежности в глазах начался настоящий ливень. Слезы хлынули так, будто сорвало клапан.

Наконец он отстранился и застегнул молнию с таким видом, будто ничего не произошло. Я соскользнула со стола, пытаюсь привести себя в порядок. Растрёпанная, разгорячённая и абсолютно опустошённая. Поправила порванную лямку платья, пригладила волосы, собирая остатки гордости в кулак.

Чувствовала себя использованной? Грязной? Лишней? Наверное, всё сразу.

И да — я не думала, что потеряю девственность на кухонном столе, прямо между бутылкой бурбона и солонкой в форме черепа. Это должно было бы происходить совсем по-другому: нежно, чувственно и в кровати, чёрт возьми.

Это точно не тот сценарий, что я годами держала в голове.

— Всегда речь идёт только о тебе, верно? — я взорвалась, сама удивившись, откуда во мне столько сейчас сил на ссору.

Эмоции во мне зашкаливали. Мне хотелось скандала, жаждала выплеснуть на него всё это жгучее разочарование, чтобы он почувствовал хоть каплю того хаоса, что разрывал

меня изнутри.

— Я же извинился, — отрезал он сухо, почти раздражённо. Сделал несколько шагов к выходу, увеличивая дистанцию.

— О, так это ты называешь извинением? «Прости», брошенное сквозь зубы?! — я уже сорвалась на крик. — Может, мне нужны были не слова! А ещё капля нормальной человеческой нежности?!

Касл замер. Широкие плечи напряглись. Он медленно обернулся, и в его взгляде промелькнуло что-то тяжёлое, почти ожесточённое.

— Нежности? — он горько усмехнулся. — Лисса, я предупредил, что я не тот парень, который раздаёт нежность после того, как трахнул девственницу на кухонном столе. Я перешёл границу. И ты позволила мне это делать. Нам обоим стоит остыть.

— Я в душ, — бросил он уже спокойнее и просто ушёл. Просто ушёл. Оставил меня в пустоте огромной кухни. Не приглашённой в его душ, с потёками спермы между ног и с разбитым сердцем.

Стоп, стоп! Какое к чёрту разбитое сердце, Лисса?!

Оно уцелело. Сработали подушки безопасности, и сердце осталось целым, в отличие от моей «девочки», которая до сих пор ныла от саднящего чувства. Да, мне было больно, но обидно было куда сильнее. В этой заварухе больше всего пострадала моя гордость.

Возьми себя в руки, Лисса. Ты ведь сама этого хотела, в конце концов. Ночь с незнакомцем и секс без обязательств. Вот только этот незнакомец оказался кретином. И да, очень большим в размерах. Принимайте и распишитесь — кровью, вашу мать.

Скользнула взглядом на свои кружевные трусики, валяющиеся на полу. Когда он успел их так? Специально для этого случая купила, а они теперь лежат испорченные и совершенно непригодные. Романтика, чтоб её.

Подобрав их, прошла в зал и спрятала в сумку. На журнальном столике заметила блокнот для записей и ручку. Размашистым почерком вывела:

«Спасибо за чудесный секс, кретин (как сказала бы Элис). В следующий раз, когда ты будешь кого-то на этом столе трахать, не забудь добавить вазу с презервативами»

Вернулась на кухню и аккуратно приклеила записку на дверь холодильника. На уровне глаз, чтобы он точно её не пропустил. А потом вдохновение накрыло второй волной. Я открыла холодильник. Там, на верхней полке, стоял идеальный шоколадный торт. Ах да, Касл ведь сладкоежка.

С почти торжественной яростью я достала из сумки свои разорванные трусики и вонзила их в самую середину десерта. Или как флаг на поле боя.

И вышла, не оборачиваясь.

Дверь гулко хлопнула за моей спиной, как будто квартира сама вздохнула с облегчением: фух, ушла. Ну и ладно, не

особо-то и хотелось. Не то чтобы я мечтала навеки остаться в берлоге, где первый секс случается под строгим надзором поварских ножей на магнитной планке.

Пока ехал лифт, я успела:

а) осознать, что у меня всё ещё трясутся ноги;

б) пощупать, жива ли вообще моя вагина;

в) обнаружить на своих пальцах следы шоколадной крошки и запах спермы;

Интересно, это торт или моя самооценка?

В зеркале лифта отразилось нечто «идеальное». Платье в ключья, причёска — будто пропустили через вентилятор, тушь сползла куда-то в район подбородка. Распухшие губы и взгляд в стиле: «Мне только что на практике объяснили устройство мужской анатомии».

— Прямо Золушка. Только вместо туфельки — трусы в холодильнике, — пробормотала я и фыркнула.

Смех сорвался нервный, рваный, и через пару секунд перерос в настоящий истерический хохот. Оставалось только молиться, чтобы заткнуться до того, как кабина домчит до первого этажа.

На улице воздух оказался свежим, почти ледяным. Он бодро ударил по коже, заставляя мысли собраться в кучу, а смех — наконец утихнуть.

Ну и что, Лисса? «Бутон» сорван?

При слове «бутон» в моей голове снова что-то перемкнуло, и я опять начала хохотать, сумев остановиться только че-

рез пару минут. Как там говорят? Секс и смех продлевают жизнь? Что ж, сегодня и того, и другого было в избытке.

Жить мне теперь долго.

Поздравляю. Теперь ты официально взрослая. Благословляю тебя трах, то есть заниматься сексом налево и направо, сколько душа пожелает.

Я достала телефон, чтобы вызвать такси. И тут же получила уведомление от фитнес-приложения: «Вы превысили дневную норму активности. Поздравляем! 17 активных минут. Сожжено 318 ккал».

— Ну хоть кто-то меня оценил, — вздохнула я, присаживаясь на лавочку и натягивая край платья на колени.

Мимо прошла парочка. Парень нежно держал девушку за руку, наклонялся к её уху, вслушиваясь в каждое слово. Всё выглядело до тошноты чинно и трогательно. Провожая их долгим взглядом, я едва сдержалась, чтобы не осыпать их проклятиями. Просто за то, что у них всё так невыносимо правильно. Хотелось заорать им в спины: «А секс-то бывает разный!»

Такси подъехало.

— Просто едем куда-нибудь, — бросила я водителю.

Машина тронулась. Я расправила плечи. Да, меня обидели. Да, было больно. И пускай мне не предложили этот холодный совместный душ, но я всё ещё остаюсь собой. И я выживу. А может, даже напишу об этом книгу. Назову как-нибудь тонко например: «*Кружевной торт*».

Звучит, как бестселлер.

Глава 3. Подножка из прошлого

*«Никто так не слеп к чужому
страданию, как тот, кто
смотрит на него с высоты
идеального пьедестала»*

Виктор Гюго

— Да, — раздался уставший, почти бесцветный голос по ту сторону линии.

Кто бы мог подумать, что Андрей когда-то будет так остро нуждаться в этом звуке. Услышать её сейчас означало одно: мир всё ещё стоит на месте, она жива, а значит — они ещё повоюют. Это было не банальной влюблённостью, а чем-то гораздо более глубоким и древним — чувством абсолютного доверия к единственному человеку, который видел его на самом дне и не отвернулся. Этот голос имел над ним огромную власть, и Андрей готов был на многое, чтобы он продолжал звучать долгие годы: скучно, холодно и надменно.

Был период в его жизни, когда он мечтал лишь об одном — убить обладателя этого голоса. Но, как говорят: «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Ненависть со временем выгорела, сменившись сначала горькой жалостью, затем искренним восхищением, а позже — неразрывной зависимостью. Сейчас это превратилось в безогово-

рочную преданность.

Их отношения были странными, как и всё, что окружало Андрея последние годы. Всё было зыбким, непривычным, порой тёмным, порой светлым, но с годами неизменным оставалось только одно: всё вокруг них было смертельно опасным. Начиная с самого момента его рождения... наврное.

Ну а как это началось?

Память услужливо подкинула кадры того дня — грязные, зернистые, как старая заезженная киноплёнка.

Пятнадцать лет назад Андрей был всего лишь резвым уличным «бегунком», чья жизнь измерялась скоростью стёртых подошв. В тот день он совершил фатальную ошибку. Решил обмануть систему и не донёс «долю». Правила банды в тех трущобах были просты и тяжёлы, как строительный кирпич: либо ты приносишь деньги, либо отдаёшь свои кости. Андрей выбрал третий вариант — бегство.

Он нёсся по вонючим подворотням, чувствуя, как адреналин жжёт лёгкие огнём. Топот преследователей за спиной превращался в обратный отсчёт его жизни. Тот узкий тупик обещал спасение. Но там, среди груд мусора и вечной сырости, стояла она.

Девчонка. Воплощение надменности и ледяного безразличия. Она выглядела абсолютно инородной в этом гнилом месте, словно сошла со страниц дорогого глянца специально для того, чтобы понаблюдать за агонией крыс. Когда Андрей,

задыхаясь и хрипя, пронёсился мимо, она лениво выставила вперёд носок ботинка.

Удар. Инерция. Мир перевернулся.

Андрей впечатался лицом в мокрый, липкий асфальт, обдирая кожу в кровь. Боль на мгновение ослепила, но вспыхнувшая ярость оказалась сильнее. Выплёвывая дорожную грязь вперемешку с кровью, он сорвался на хриплый лай, осыпая её самыми грязными ругательствами, которые только мог вспомнить.

— Сука! Цепной пёс! — кричал он, не подозревая, насколько точно его слова бьют в цель. — Исполняешь команды, да?! Чьи сапоги лижешь, тварь?!

Его слова, брошенные наугад, вслепую, прошли её насквозь. Видимо, правда в тот день была слишком точной, чтобы девчонка осталась равнодушной. Она не ответила, лишь резко шагнула к нему, накрывая его распростёртое тело своей тенью. В её руке холодным тускло-зелёным светом блеснул откуда-то взявшийся осколок бутылочного стекла.

Без тени сомнения она опустилась на одно колено, придавила его ладонь к земле и с коротким, сухим нажимом вогнула осколок глубоко в его плоть.

Парень заорал, тем самым окончательно выдав своё местоположение банде.

— За что?.. — тихо прохрипел он, когда боль в руке всё перекрыло.

— Мне было просто скучно, — бросила она через плечо,

даже не обернувшись.

Его настигли через секунду. Ломали долго, методично, со знанием дела. Но Андрей, содрогаясь от глухих ударов, почти не чувствовал, как трещат его рёбра. Его взгляд был прикован к удаляющемуся силуэту взбалмошной девчонки, которая разрушила его жизнь просто ради того, чтобы сократить минуту.

Ей было скучно.

Противные зелёные глаза «ведьмовского отродья» в паре с тем грязным куском стекла годами являлись ему в кошмарах. А шрам на ладони Андрей берёт. Он стал его личным тотемом: напоминанием о том, что мир — это сука, а случайная встреча может стоить жизни.

Спустя много лет Андрей, уже с дорогими часами на запястье, вернулся в тот переулок.

Место не изменилось. Та же вонь сырого бетона и чужих ошибок, та же вязкая темнота, которая, казалось, не отпускала всех, кто сюда однажды попал. Он стоял у края тротуара, не двигаясь, и запах мокрого асфальта уже тянул фантомную пульсацию из старого шрама на ладони.

Из тени переуллка вышла девушка.

Она двигалась быстро, собранно, забирая влево на оживлённый тротуар, стремясь раствориться в толпе раньше, чем кто-то успеет её заметить. Мужчина у стены её не интересовал. Городской шум, очередная точка на карте, которую удобнее обойти стороной.

Но Андрей узнал её мгновенно. Этот хищный разворот плеч и холодный взгляд невозможно было забыть. Даже годы не стёрли этот почерк в её осанке.

— Ну надо же, — прошептал он, чувствуя, как старый шрам на ладони начинает зудеть от прилившей к рукам ярости.

Несколько секунд он сверлил её спину злым взглядом, а затем, повинаясь какому-то мрачному импульсу, двинулся следом.

Стерва активно шла активно, но внезапно замедлилась. За углом, на открытом проспекте, показались трое в строгой форме частной службы безопасности, чьи движения были слишком синхронными для обычных секьюрити.

Девушка не дрогнула. Не сбавляя шага, плавно развернулась, будто собираясь выбросить бумажный мусор, и зашагала обратно, прямо на Андрея.

Когда между ними оставалось всего пара шагов, Андрей преградил ей путь, вырастая перед ней как бетонная стена.

— Куда-то спешишь, «пёсик»? — его голос скользнул ядом.

Ведьма замерла. Её глаза расширились, видимо, мгновенно.

но узнала лицо того пацана, из прошлого.

— С дороги, — тихо прошипела она, не поднимая головы.

— У тебя проблемы, как я погляжу, — Андрей мельком глянул через её плечо на парней в форме. — Интересно становится. Не стать ли мне тоже твоей личной подножкой? Как одна сука когда-то? Препятствием на твоём единственном грёбаном пути?

Она стиснула зубы так, что на скулах заиграли желваки. Охотники были в нескольких метрах.

— Чего ты хочешь? — тихо выдохнула она, глядя куда-то в пуговицу его куртки.

Вместо ответа Андрей резко притянул её к себе. Одной рукой он обхватил её за талию, а другой прижал её голову к своему плечу, закрывая лицо девушки от патруля.

— Обнимай меня в ответ, дура! — шепнул он сквозь зубы.

А затем, резко сменив тон, он громко и фальшиво рассмеялся, целуя её в висок.

— Дорогая, я же говорил, что мы опоздаем на эту выставку! Ты вечно всё путаешь, это просто невыносимо! — он нес какую-то светскую чушь, идеально мимикрируя под обычного жителя мегаполиса.

Девушка застыла. Но через секунду её пальцы впились в его куртку с такой силой, что послышался треск ткани. Она прижалась к нему, прячась, и её тело дрожало не от нежности, а от едва сдерживаемой ярости.

— Если ты сейчас же не уберёшь руки, я вырву тебе ка-

дык, — прошептала она. — Или выпотрошу тебя ещё одним стеклом.

— Сначала выживи, садистка, — отозвался Андрей, продолжая вести её мимо патруля и заливаясь соловьём о дурацкой живописи.

Преследователи прошли мимо, скользнув по ним безучастными взглядами. Обычная пара, один из которых слишком болтлив, а другая так влюблена, что не отлипает от него.

Как только они скрылись за поворотом, Андрей почти безразлично оттолкнул её от себя, поправляя смятую куртку.

— Надо же, — Андрей выдавил кривую усмешку, окидывая её сверху вниз. — Земля не просто круглая. Она тесная и грязная сточная канава, в которой мы рано или поздно сталкиваемся лбами. Не так ли?

Она не ответила сразу. Медленно выпрямилась, словно каждое движение стоило ей колоссальных волевых усилий, и подняла глаза только лишь когда патруль окончательно исчез из виду. Вопреки ожиданиям Андрея, во взгляде ведьмы не было и намёка на благодарность. Только ледяной расчёт.

— Ты всё такой же шумный, — её голос напоминал скрежет металла по бетону. — Пятнадцать лет назад орал на весь переулок, и сейчас не затыкаешься.

— А ты всё так же любишь портить людям жизнь, — Андрей продемонстрировал ей старый шрам на ладони. — Только теперь роли поменялись. Теперь ты та, кому ставят

подножки. Интересно смотреть, как ты убегаешь.

Ведьма не ответила на его реплику.

— Тебе стоит уйти, — тихо произнесла она, прижимая руку к животу. — Те, кто прошли мимо, не любят свидетелей. Особенно таких говорливых.

Андрей ничего не ответил. Немного задумчиво вытащил из кармана связку ключей.

— Мне нравится, как ты выглядишь. Прекрасный бледный мертвец, который не в состоянии дойти даже до следующего перекрёстка. Так бы и добил тебя.

Они стояли друг против друга. Между ними не было ни капли симпатии — только старая обида и холодный прагматизм двух выживших.

Андрей видел, что она едва держится на ногах, хотя её гордость всё ещё выжигала воздух вокруг.

— Ну? — она вскинула подбородок. — Будешь наслаждаться моментом или дочитаешь нотацию до конца?

Вместо ответа он просто бросил ей ключи. Она поймала их рефлексивно, почти не глядя.

— Чёрный внедорожник в конце квартала. Номер на брейке. Садись и проваливай из моего района. — Он отвернулся, пряча руки в карманы. — В бардачке найдёшь шоколадки, — бросил он через плечо. — Твоему «пассажиру» внутри явно нужно топливо, раз мать такая никчёмная. А ещё сладкое помогает, когда ноги подкашиваются.

Она замерла, сжимая металл ключей в кулаке.

— Зачем тебе это? — спросила она ему в спину.

Андрей замер и повернулся обратно к ней лицом.

— Считаю, что я инвестирую в твою мучительную смерть позже, — бросил он. — Не хочу, чтобы труп из моего детства валялся на моём пороге. Это портит вид из окна.

Они долго молчали.

— Ты подсыпал яд в шоколад? — девушка посмотрела на ключи.

— Для тебя мне жалко даже яда, — отозвался Андрей. — Давай, Нежить, беги. А то церберы уже на подходе.

Будущая мама грустно ухмыльнулась и после короткой паузы ответила:

— Прощай, Шрам.

Её голос растворился в шуме дождя, а он так и остался стоять, сжимая в карманах пустые кулаки.

Вот же стерва! Она ещё и кличку умудрилась ему дать, да такую наглую. Слово «Шрам» вылетело с языка так естественно, будто она действительно имела на него полное право. Впрочем, отрицать это было глупо. Она не просто отметила его ладонь — она словно перечеркнула его прежнего, того дворового пацана, и заставила повзрослеть в ту самую секунду, когда стекло вошло в плоть.

Андрей посмотрел на свою руку. Белёсый след под дождём казался почти прозрачным, но он чувствовал его пульсацию.

Надо же. «Шрам». И самое паршивое, что он не мог ей

возразить. Потому что для всего остального мира он был Андреем — успешным специалистом, серьёзным мужчиной. Но для этой ведьмы он навсегда остался тем самым парнем, которому она вспорола кожу стеклом просто потому, что ей стало скучно.

Девушка уходила в сумерки, растворяясь в серой стене дождя. Андрей продолжал стоять, ощущая, как внутри закипает глухое раздражение. Эту стерву стоило бы сегодня всё-таки проучить.

— Сука, — негромко пробормотал он, но на этот раз в его голосе было больше досады на самого себя, чем на неё.

И тут его брови сошлись на переносице от удивления: она, не разворачиваясь к нему лицом, показала ему средний палец и прибавила шагу. Может, он и крикун — но она неприлично, даже ненормально ушастая.

Пятнадцать лет. Вроде бы и не так много, но словно целая вселенная возродилась. Время нелинейно; оно измеряется не сухим тиканьем часов, а той дистанцией, которую человек успел преодолеть между двумя судьбоносными мгновениями.

— Андрей, ты там? — тихий голос в динамике бесцеремонно выдернул его из вязких воспоминаний.

Он сделал глубокий вдох, прежде чем окончательно вернуться в реальность.

— Они узнали всё, — произнёс он, глядя в пустоту лаборатории. — Весь бэкграунд.

На том конце слышалось сухое хмыканье, лишённое даже намёка на удивление:

— Мы же были готовы к такому развитию событий, Андрей. Откуда эта внезапная растерянность?

Он выдержал затяжную паузу. Тишина в трубке стала почти осязаемой и тяжёлой.

— Мне немного страшно, Ведьма, — он попытался свести всё к избитой шутке, но вышло плохо.

Андрей буквально кожей чувствовал, как его собеседница на другом конце города морщится, слыша это прозвище — эхо их общего прошлого. До сих пор, наверное, чувствует стыд за содеянное. Он ожидал от неё едкой остроты, дурацкой шутки или очередного сарказма. Но ответ прозвучал непривычно тихо, с какой-то надломленной искренностью:

— И мне, Шрам. И мне.

Глава 4. Пять минут, чтобы передумать умирать или литературный бардак

*«Нет ничего мягче и гибче воды, но
ничто не может ей противостоять»
Lao Tzu*

КАСЛ

(год спустя)

Я сбрасываю маску и принимаю свою настоящую форму, оставляя в стороне человеческие пропорции и грим. Никаких костюмов сегодня. Прыжок в бассейн на заднем дворе ощущается как возвращение в единственно верную стихию.

Смешная лужа, если честно. Пять метров глубины против того, к чему привыкло тело. Но у Земли больше предложений нет, и приходится мириться. Мышцы наконец перестают быть скованными, расползаясь из тесного человеческого облика, как из слишком маленького костюма.

Гребок, и я на дне. Несколько дистанций под водой, дав-

ление толщи на кожу, темнота и тишина. Вода всегда была страстью, но земная влага так и не стала родной. Здесь вечно будет тесно. Это просто факт, с которым я давно перестал спорить.

Час и пять минут без воздуха — это мой личный ритуал. Час нужен, чтобы забыть всё человеческое, пять минут — чтобы передумать умирать. Хотя и это уже не радует. Последние двадцать минут я просто злюсь на хлорку.

В воде мне легче, потому что тело молчит, а разум тонет. Здесь я ближе к себе. Здесь я почти дома. Почти. Потому что до дома мне пара галактик и один удачный эксперимент.

Земля — голубая планета, говорят они. Пять океанов, шесть континентов, сотни тысяч островов, миллиарды людей. И только одна женщина, которая мне нужна.

Я уже достаточно долго живу среди них. Бесконечный поток лиц, тел, голосов, запахов и много секса.

Мне нравится секс. Он стал моим топливом и кислородом одновременно.

Но он же и яд, потому что сейчас я не чувствую в нём ничего, кроме раздражения и жажды отключить всё к чёрту. Как кофе в сомнительной забегаловке: вроде бодрит, но оставляет лишь горечь и изжогу. Инстинкты требуют своего, мозг воспринимает это как скучную неизбежность, и где-то между ними я просто устал.

Как же надоело всё. Драмы, лайки, протесты, соцсети и безглутеновые пончики. Их постоянное желание «найти се-

бя» при полном неумении созидать. Этот шум утомляет. Хочется просто тишины.

К чёрту всё!

Я паркую свою машину у трёхэтажного офисного здания. Люблю хорошие машины — не ради пафоса, пафос не моя валюта. Ради тишины перед запуском. Когда двигатель замирает, реальность будто делает шаг назад и даёт выдохнуть. А потом рык мотора, разгон и короткий миг, когда можно забыть, кто я и зачем здесь. Особенно когда под капотом ревёт V12 и на высокой скорости всё вокруг становится ненужным шумом.

Скорость мне нравится, потому что в ней нет лжи. Люблю металл, потому что он честный. И шоколад. Чёрт с ним, он просто напоминание, что вкус это тоже форма жизни. Люди называют такие вещи слабостями. Но это якоря. То, что держит тебя здесь.

Земля безумно красива и она заслужила гораздо лучшего обращения, чем получает. Свет здесь вплетён в самую структуру жизни. Даже в тишине ощущается движение: вода, воздух и мельчайшие организмы работают как единое целое. Этот мир не хаос, как может показаться. В нём есть чёткий порядок, который удерживает всё в равновесии. Тем сильнее удивляет, как легко местные перестали это замечать, принимая хрупкое равновесие за нечто должное.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж.

На ресепшоне встречает милая девушка по имени Ми-

шель. Стоит подойти ближе и заговорить, как она моментально меняется в лице и на щеках появляется едва заметный румянец. Классика. Реакции людей предсказуемы: от смущения до попыток привлечь внимание. В этом нет их вины, просто так работает биология. Инстинкт заставляет клетки тянуться к тому, что кажется сильным и жизнеспособным. Чистая химия, против которой разум порой бессилён. Подобное не вызывает раздражения, скорее спокойное понимание того, как устроена жизнь. Биология правит миром, и в этом есть свой порядок.

Женщины здесь удивительно красивы и обладают поразительной устойчивостью, удерживая на своих плечах весь земной хаос. Поначалу они кажутся мягкими, но эта мягкость обманчива. Под ней скрывается сила, которую часто недооценивают.

Им слишком мало давали власти. Дают и сейчас. Но Сарп говорит, что наступят «розовые времена», прямо как в том чёртовом немецком треке, который он слушает подряд уже вторую неделю. Вроде как *Zukunft Pink - Peter Fox*. Наверное, это тоже якорь.

Сарп фанатеет от всего земного, находя повод для искреннего восхищения в каждой мелочи. Но главная его страсть — это музыка.

Он может часами рассуждать о ней, восторженно доказывая свою правоту и жестикулируя так, будто сам дирижирует невидимым оркестром: «Мы безнадёжно отстали со свои-

ми стерильными ритмами. Только посмотри, что они творят. Люди создают настоящее волшебство из чистого хаоса. Уверен, это лучшее звучание во всей Вселенной.»

Мои мысли возвращаются к Мишель. Стоит сообщить ей о цели визита, как она тут же берёт себя в руки и с профессиональной сдержанностью указывает направление. Такое самообладание заслуживает уважения.

Я подхожу к нужной двери. Перед ней — ещё одна секретарша, которая *с вежливой улыбкой* направляет меня в кабинет босса.

А там сюрприз! Босс — тоже женщина.

Начинает казаться, что здесь царит настоящий матриархат. Похоже, розовое будущее из песен Сарпа наступило в отдельно взятом офисе чуть раньше срока. Мысль вызывает невольную усмешку.

— Мистер Рейнارد, рада вас видеть, — произносит молодая женщина, уверенно протягивая руку.

Её внимание сосредоточено исключительно в рамках делового этикета. В этом есть своя прелесть, ведь иногда полное отсутствие флирта оказывается куда содержательнее и любопытнее самой игры.

Рукопожатие выходит сдержанным, почти символическим. Ладонь миссис Тейлор кажется совсем крохотной в моей руке.

— Спасибо, что нашли время, миссис Тейлор.

Дежурная вежливая улыбка ложится на лицо сама собой.

Люди любят, когда им улыбаются, — это располагает их к доверию. Хотя, по правде говоря, я редко улыбаюсь. По местным меркам я вообще довольно угрюмый субъект. Печально, наверное.

Хозяйка кабинета жестом пригласила меня сесть и сама устроилась за рабочим столом.

— По телефону не совсем удалось понять, какие именно услуги вас интересуют, — начинает она, внимательно изучая меня. — Вы были не слишком конкретны.

— Просто предпочитаю не обсуждать важные дела по телефону.

— Понимаю, — кивает она.

Конечно, она не понимает, но произносить это вслух было бы излишне.

— Не стану тратить ни ваше, ни своё время и перейду сразу к сути.

Делаю короткую паузу, ровно столько, сколько нужно, чтобы она неосознанно подалась вперёд:

— В моём распоряжении есть старинные рукописи. Латынь, но крайне древняя. Специалисты предполагают, что это сложная смесь между архаической латынью и герметической. Требуется безупречный перевод. Сам языком не владею, но знаю, что ваша фирма берётся именно за такие нестандартные задачи. Справитесь?

Мисс Тейлор на мгновение замирает, и в её взгляде вспыхивает профессиональный азарт.

— Архаика и герметика, — медленно повторяет она, будто пробуя слова на вкус. — Довольно редкое и непростое сочетание. Архаическая латынь тяжела своей грамматикой, а герметические тексты часто требуют не просто лингвиста, а дешифровщика, способного видеть контекст за буквами.

Она слегка подаётся вперёд, складывая руки в замок.

— Вы обратились по адресу, мистер Рейнард. Мы не боимся мёртвых языков, даже если они пытаются казаться живыми. У нас есть опыт работы с палимпсестами и зашифрованными монастырскими архивами. Единственный нюанс: такая работа требует времени и особого склада ума. Приносите тексты, обозначьте сроки, и мы всё организуем.

Вот теперь начинается самое увлекательное.

— Боюсь, всё не так просто, миссис Тейлор.

— Пожалуйста, зовите меня Беатрис, — перебивает она с дружелюбной улыбкой.

Беатрис.

Я не говорю ей, что мою собаку так же зовут. Но ей, Беатрис, которая женщина, это имя подходит больше. Строгая, собранная, в светлой блузке с высоким воротом и идеально приглаженными волосами. Обручальное кольцо на пальце служило ясным сигналом стабильности и отсутствия лишнего внимания к клиенту.

Офис был под стать хозяйке. Панорамное окно, серая мебель, кожаные кресла. Ни одного лишнего предмета, всё под полным контролем. Обстановка всегда говорит о владелице

больше, чем слова, например, что она умна, расчётлива. Таких редко можно удивить.

Но я удивлю.

Короткий кивок в знак согласия перейти на «ты». Людям нравится создавать видимость доверия, так проще работать.

— Хорошо, Беатрис, — имя звучит медленно, будто на пробу. — Тогда подробнее. В этих текстах есть вещи, которые покажутся странными. Это не просто документы, в них скрыта сложная символика и фрагменты. Интересует предельная точность. Никаких адаптаций или вольных интерпретаций, а только прямой перевод с сохранением каждого смыслового поворота.

Беатрис на секунду задерживает дыхание и её брови едва заметно приподнимаются. Вот и первая реакция.

— Это что-то научное? Или художественное?

— Что-то гораздо древнее, — отвечаю я спокойно.

— Когда вы их принесёте, я уверена, что мы разберёмся, — она улыбается чуть снисходительно. Наверняка не в первый раз слышит об исключительной важности чужих бумаг.

— Видите ли, делиться оригиналами я не намерен, — произношу неспешно, выдавая это за обычный каприз. — Рукописи мне слишком дороги, поэтому вашему переводчику придётся работать у меня дома.

Разумеется, стоит умолчать о том, что рукописи единственные в своём роде. Если кто-то из людей случайно их откроет, то может сделать слишком поспешные выводы. Или,

наоборот, пугающе правильные. А это чревато интересом со стороны тех, кого лучше держать на расстоянии.

Беатрис опускает взгляд и начинает машинально вертеть обручальное кольцо на пальце. Классика человеческого поведения: попытка найти опору в чём-то привычном, когда почва уходит из-под ног. Она явно хочет отказаться, но не находит подходящих слов.

— Мистер Рейнард, — пауза. — Касл

Ёрзает в кресле, подбирая вежливое «нет». Этого шанса ей лучше не давать.

— У вашего сотрудника будет свободный график и неограниченное время на работу. Сама фирма получит оплату втрое выше обычной ставки, не считая покрытия всех дополнительных расходов переводчика.

Вот и всё. Магия цифр. Деньги творят предсказуемые чудеса. Беатрис уже согласилась, просто ещё не успела озвучить это вслух. Всё ещё делает вид, что раздумывает, но ответ стал очевиден сразу после слов о тройном тарифе.

— По такой специфической латыни у нас работают всего два специалиста. Одна в декрете, хотя иногда берёт заказы на дом. Второй загружен под завязку, — она продолжает говорить, соблюдая протокол, но слушать это уже необязательно.

Сделка заключена. Оставшиеся фразы — лишь человеческая попытка сохранить лицо и профессиональное достоинство. Вежливость заставляет кивать и изображать участие, хотя на самом деле это лишь маска. Если бы воспитание бы-

ло истинной чертой характера, меня бы звали Санта-Клаус, и я бы раздавал подарки. Но, как известно, его не существует.

Внимание возвращается к Беатрис, когда она завершает звонок. По выражению её лица нетрудно догадаться: результат положительный.

— У меня для вас хорошие новости, Касл, — говорит она с уже несдерживаемым удовлетворением.

За такие деньги новости просто не могут быть плохими, — немного цинично думаю я.

— Мы сможем выполнить заказ. Пойдёмте, познакомлю вас с нашим переводчиком.

Путь из кабинета к лифту проходит в молчании. На третьем этаже сдержанный интерес постепенно сменяется лёгким разочарованием. Вместо внушительного офиса с табличкой, подтверждающей статус «лучшего в городе», впереди оказывается ничем не примечательная дверь со стёртым номером. Самая настоящая каморка. Из тех, что в фильмах называют «укромным уголком для тайн», а в реальности — складом забытых вещей с запахом пыли, которая старше самого здания.

Выбор этой фирмы внезапно начинает казаться ошибкой. Какой профессионал добровольно согласится работать в чулане? Перед глазами невольно встаёт образ старого чудака в поношенном свитере с жёлтыми от табака зубами. Или какого-нибудь непризнанного гения-алкоголика, которого извлекают на свет исключительно ради «особых заказов».

Похоже, придётся выбрать другого специалиста или всё же дожидаться той дамы из декретного отпуска.

Беатрис, словно *читая* мысли, смущённо улыбается и торопливо добавляет:

— Согласна, выглядит специфично. Но не делайте поспешных выводов. Как я уже говорила, у нас действительно работают лучшие.

Лучшие работают в чулане. Подобное заявление звучит почти как издевательство. Воспитанность начинает сдавать позиции, и голос звучит резче, чем следовало бы:

— Надеюсь, обойдётся без разочарований.

Беатрис нервно улыбнулась, легонько постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, поспешно открыла её. Я последовал за ней — и сразу же пожалел.

Это действительно была каморка. Ну, почти. Каморка, замаскированная под кабинет, или наоборот — решайте сами. Все стены были до отказа заставлены книжными полками, которые буквально давили своим весом. Некоторые книги не поместились и были уложены прямо на пол, а между ними извивались тропинки.

Посреди этого бумажного хаоса рабочий стол с компьютером выглядит чужеродным элементом. Но, к моему удивлению, в этой тесной берлоге оказалось огромное окно, почти во всю заднюю стену. Естественный свет щедро лился в комнату, заливая её мягким золотом.

И прямо там, на широком подоконнике, среди разбросан-

ных бумаг и рядом с ноутбуком, сидела девушка.

Молодая, симпатичная, на первый взгляд вполне обычная. Между зубами зажата ручка, ноги скрещены по-турецки, на голове наушники, взгляд прикован к тексту. Она так увлеклась чтением, что не замечает визитёров. И только увидев тени, испуганно подпрыгивает, ловко соскакивая на пол.

На лице мелькает растерянность, сменяясь широкой, чуть смущённой улыбкой.

— Миссис Тейлор, — она быстро приглаживает растрёпанные волосы, — думала, мы договорились, что я подойду через десять минут. Не ожидала, что вы... — взгляд хаотично бродит по комнате, явно осознавая, как выглядит этот книжный хаос в глазах постороннего, — ...что придёте прямо сюда.

Наконец её глаза останавливаются на мне, и её улыбка медленно сползает.

Ну и правильно. Нечего тут разбрасываться своими солнечными улыбками направо и налево.

Я же, вопреки обыкновению, улыбаюсь. Широко и открыто.

Внутри становится по-настоящему весело. Ситуация обретает остроту, ведь переводчиком оказывается вовсе не древний старик алкоголик, а та самая девчонка. Та, что год назад решила поиграть во взрослую жизнь и снять мужчину на ночь.

Ирония судьбы: вредная девственница, сбежавшая на рас-

свете, оказалась тем самым раритетным специалистом.

И откуда только у неё взялись такие редкие навыки?

Лисса. Так её зовут. Имя красивое и удивительно ей подходит. Наблюдать за ней сейчас одно удовольствие. За пару секунд она преодолевает весь спектр эмоций. Сначала мертво бледнеет, затем вспыхивает так ярко, что щёки становятся пунцовыми. Полный набор, от шока до жгучего стыда. Как мило.

Она меня узнала. Конечно, узнала. Первый мужчина не забывается, особенно если тот самый первый раз прошёл настолько *ярко*.

В голове неожиданно всплывает вопрос: сколько их было после меня? Разумеется, это не имеет никакого значения и меня это не касается. Но сама мысль о том, что кто-то другой мог касаться этой кожи так же, вызывает раздражение. Оно поднимается изнутри, заставляя мышцы напрячься.

Оооо, понеслось! Что ты вообще несёшь, Касл?

Прошёл уже целый год с того момента, как она сбежала, не оставив даже записки. Хм, как поэтично. Дело в том как раз, что записка присутствовала, и весьма артистичная. И причины этого всегда были предельно ясны.

Не стал искать её, не потому что не мог, а потому что **не имел права** это делать. Появись я в её жизни, всё пошло бы по одному сценарию. Я втянул бы её в свою тень и затащил бы на глубину. В свой холодный, нелюдимый мир, где чувства — это слабость, а близость — непозволительная рос-

кошь. А она была ещё слишком живой. Такие, как она, светятся изнутри, они всё ещё верят в добро и в то, что мужчина должен быть героем, а не хищником.

Я не герой.

Хотелось оставить её целой. Именно такой: маленькой, дерзкой и растерянной девчонкой, которая сидела на той кухне в слишком тонком платье и смотрела с вызовом. Иногда я представлял, как бы всё пошло иначе. Если бы я был другим, мягче и человечнее. Если бы сдержал себя. Если бы...

Ха! Смешно. «Если бы» не существует ни на этой планете, ни на любой другой.

И вот она снова передо мной, посреди своего книжного логова. Такая же хрупкая, такая же взъерошенная, с тем самым смущённым взглядом и проклятым лифчиком под блузкой.

Больше всего бесит, что хочу её так же сильно, как в ту ночь. Может, даже сильнее, потому что я слишком хорошо помню, как чертовски здорово оказаться внутри неё. Как там тесно, и как она пахнет.

И теперь я совершенно не представляю, как сделать вид, что это просто работа. Что она — просто переводчик. Что я — просто клиент. Потому что ни хрена не будет просто. И она уже это знает.

— Мистер Рейнард, познакомьтесь, это мисс Грин — наш специалист по латинским рукописям. Она согласилась рабо-

тать у вас на дому.

Медленно сокращаю дистанцию и вежливо улыбаюсь, протягивая руку. Она делает вид, что не замечает жеста. Ага, конечно. Трудно не заметить двухметрового мужчину с ухмылкой шакала. Но я слишком «большой мальчик», чтобы растеряться, поэтому продолжаю держать руку на весу, ожидая её ладонь.

— Смелее, мисс Грин. Я не кусаюсь. По крайней мере не больно.

Беатрис за спиной деликатно смеётся, оценив шутку, но моя маленькая — нет. На её лице ни намёка на улыбку, только пристальный и колючий взгляд. Её глаза, чёрт подери, всё такие же пронзительно-голубые. Прекрасные.

Но она справляется. Напряжённая, как натянутая струна, невероятно гордая, делает короткий шаг вперёд и вкладывает свою ладонь в мою. Уверенный, почти деловой жест.

Моя девочка.

Между нами вспыхивает почти осязаемое напряжение. Кожа такая же нежная, какой я её помню. И я чертовски остро хочу чувствовать эту руку на своём теле, а конкретно ниже.

Легко сжимаю пальцы и так же быстро отпускаю, не задерживая её руку ни на секунду дольше положенного. Не хочу смущать. Хотя с огромным удовольствием поцеловал бы эти тонкие запястья и увёл её за собой. Не в кабинет, а снова на какой-нибудь кухонный стол. Вспомнить старое.

ЛИССА

Сказать, что я в шоке — это ничего не сказать. Я сижу, лихорадочно прокручивая в голове всю свою жизнь и пытаюсь понять: что же я сделала, чтобы заслужить такое наказание? Я ведь нормальный человек. Налоги плачу вовремя, никого не убивала, а за рулем веду себя как черепаха — ни одного штрафа за превышение. Цветы на подоконнике у меня недохнут, потому что я их поливаю. Иногда захожу в церковь.

Так за что мне это, Боже?!

Касл наконец отпускает мою руку. Я искренне благодарна ему хотя бы за то, что он не начал устраивать цирк с поцелуями в ладонь, не удерживал дольше положенного и не смотрел на меня с этим дьявольским взглядом в стиле «я всё про тебя знаю». Всё и без того достаточно неловко.

Поспешно убираю руку, будто обожглась, и делаю вид, что поправляю волосы, лишь бы скрыть дрожь в пальцах. Сердце колотится, как у школьницы на экзамене. Только вместо экзаменатора передо мной мужчина, который был глубоко внутри меня. Мужчина, видевший меня в самые интимные и не самые гордые моменты моей жизни.

Миссис Тейлор что-то говорит о рукописях, сроках и оплате, но до меня доносятся лишь обрывки фраз.

Взгляд снова то и дело возвращается к нему. Чёрт, он вы-

глядит даже лучше, чем год назад. Почему такие экземпляры не исчезают навсегда? Почему они врываются в твою жизнь без предупреждения и без всякого права на моральную подготовку? На моём лице нет даже минимального слоя тонального крема, а на лбу красуется пара прыщей — плод тесного сотрудничества гормонов и цикла.

Дурацкая цитата «Выгляди так, будто в любой момент можешь столкнуться с бывшим», приобретает теперь смысл.

Он стоит у книжной полки, лениво перебирая корешки старых фолиантов. Каждое движение выверенное и спокойное, будто весь этот сюрреализм разворачивается по его личному сценарию. Временами он бросает на меня взгляд — вежливый и до ужаса уверенный. В нём нет ни намёка на секс. В смысле, на тот, который был и которого точно не будет.

Господи, Лисса, заткнись!

Вот он снова улыбается. А у меня внутри буря из воспоминаний, запахов, касаний. Толчков.

— Вы можете обсудить все условия контракта в зале для переговоров, — доносится голос миссис Тейлор.

Только сейчас я осознаю, что она всё это время что-то говорила, пока я была слишком занята попытками сохранить лицо.

— Это не обязательно, — отвечает Касл, и его голос раздаётся слишком близко. — Мы можем не терять время и заключить контракт здесь и сейчас.

Почему каждое его слово звучит как нечто неприличное? «Контракт», «здесь и сейчас». В его устах всё это обретает двусмысленный подтекст, будто речь идёт вовсе не о бумагах.

— Тогда я оставляю вас наедине, — отвечает мой босс.

Не надо это делать, миссис Тейлор. Но она не научилась ещё читать мысли и продолжает:

— Лисса всё расскажет, а если возникнут вопросы, вы знаете, где меня найти, — с улыбкой заканчивает миссис Тейлор.

С этими словами она мягко закрывает за собой дверь, и в кабинете воцаряется тишина. Та самая, липкая и давящая, в которой каждый вдох даётся с трудом.

Он занял собой всё пространство моей каморки. Его слишком много. Я чувствую почти физическое желание просто вышвырнуть его отсюда. Он не имеет права здесь находиться. Это моя территория. Мой мир из пыльных книг и тишины, в который он ввалился без приглашения, притащив за собой шлейф воспоминаний, от которых я так старательно бежала целый год.

Я люблю свой кабинет. Крошечный, забитый книгами, похожий на миниатюрный бумажный лабиринт — мне в нём уютно. Здесь всегда пахнет старыми страницами, чернилами и чем-то своим, что мгновенно возвращает в детство.

Моя каморка напоминает рабочий уголок папы. У него тоже всё было завалено книгами от пола до потолка, а стопки

фолиантов громоздились прямо на ковре. В детстве я часто сидела у него под столом, играя с закладками, пока он переводил. Папа говорил мало, но каждое его слово имело вес.

Он был лингвистом, академиком и человеком редкой эрудиции. Его уважали, цитировали, а я просто его обожала. Когда папы не стало, казалось, что вместе с ним исчез огромный кусок моего мира.

С тех пор я занимаюсь переводами. Хотя, если честно, мне это не особо близко. Моё сердце принадлежит археологии. Я мечтала копать в земле, буквально дотрагиваться до истории. А переводы не страсть. Это память. Папина рука, сжимающая старую авторучку, которую я до сих пор ношу с собой.

Эта работа не ради карьеры или денег. Это связь с ним. В каждом старинном тексте, который я расшифровываю, мне слышится его голос. Словно он шепчет за спиной: *«Смотри, Лиса, это не просто буквы. Это смысл, зашифрованный временем. Перевести, значит вдохнуть в него жизнь»*. И каждый раз, когда мой карандаш царапает бумагу, мне становится чуть-чуть легче.

А сегодня этот покой был нарушен. Им!

Да ну что там?! Мать его, моя карма!

Касл смотрит на меня пару долгих секунд. Я слишком растеряна, чтобы выдержать этот взгляд, а о том, чтобы выдавить из себя хоть слово, не может быть и речи. В какой-то момент просто сдаюсь и опускаю голову.

Подходит ближе. Его присутствие вытесняет из комнаты кислород. Он касается моего подбородка, заставляя поднять лицо.

— Лисса.

Моё имя звучит так чувственно, что я почти готова растаять от одного тембра его голоса. Но всё наваждение мгновенно испаряется, когда он добавляет:

— То, что я трахал тебя на своём кухонном столе, не даёт тебе повода вести себя непрофессионально, — намекает он на мою молчаливость.

Унижение обжигает хуже кислоты. Я резко сбрасываю его руку со своего лица, но он лишь ухмыляется и продолжает:

— Кстати, я оценил твой подарок. Очень оригинально. Трусики с шоколадным тортом — теперь мой любимый десерт, — он подмигивает мне, и в этом жесте столько наглости, что хочется его ударить.

Я имитирую на лице короткую фальшивую улыбку, в стиле «ха-ха-ха, как смешно» и отвечаю:

— Рада, что понравилось, — бросаю я.

Отворачиваясь, и направляюсь к своему рабочему столу.

Контракт. Нужно вписать сумму побольше: надбавку за работу на дому, за испорченные трусики и за моральный ущерб, чёрт побери. Знай я заранее, что клиент — это Касл, ни за что бы не согласилась.

Он подписывает документ, даже не глянув на итоговую цифру. Ну, конечно же. Самоуверенный индюк!

Ты и не заметишь, как я тебя обдеру. Или заметишь, но позволишь себе эту роскошь.

Подхожу к двери, распахиваю её и коротким кивком указываю ему на выход.

— До завтра, мистер Рейнард, — говорю сухо, стараясь сохранять остатки вежливости, хотя на губах застряли одни проклятия.

В его глаза всё ещё не могу смотреть. Слишком. Просто слишком всё. Он подходит ко мне и захлопывает дверь. Мягко, но уверенно прижимает меня к ней. Движения медленные и слишком точные. Его тело почти касается моего, ладони ложатся на талию, а большие пальцы начинают медленно гладить живот, миллиметр за миллиметр поднимаясь выше.

Я по-прежнему смотрю в пол и вдруг ловлю себя на нелепой мысли: *«У меня, кажется, очень старый паркет».*

И, о нет. Я это говорю вслух. Он тихо усмехается — коротко, с каким-то лукавым теплом.

Его дыхание касается моих волос, его губы касаются моей шеи. Потом он нежно кусает моё ухо, и я чувствую этот укус где-то глубоко внизу живота.

— Я же говорил, что не больно кусаюсь, — шепчет он мне прямо в ухо, притягивая к себе.

Соприкасается каждым сантиметром тела ко мне и просто крепко обнимает.

Именно обнимает, как будто он действительно скучал. Так, как обнимал бы старый друг. Умудряется даже ласко-

во погладить по спине. Я зажмуриваюсь. Мне нравятся его объятия, вот такие простые, успокаивающие, и без всякого намёка на секс. Оказывается, он может быть милым, когда хочет.

Сама не понимая, что творю, я зарываюсь носом в его ключицу и обнимаю его в ответ. Если не знать нашу историю, со стороны можно подумать, что мы действительно близкие друзья, или влюблённая пара. Но мы ни те, ни другие, и я совсем не понимаю, почему я ему отвечаю.

— Я не смогу это сделать, — шепчу я.

Он понимает, о чём я. О работе, о нас, о завтрашнем дне.

— Сможешь, — отвечает он и целует меня в висок.

Опять висок.

Похоже, у него на него пикетик. Возможно, стоит не мыть голову неделю, вдруг магия сотрётся?

Касл выпускает меня из объятий, осторожно отстраняет от двери и открывает её. Больше не оборачиваясь, он выходит в коридор.

— Увидимся завтра в десять, Лисса. Я заеду за тобой, — бросает он через плечо, направляясь к лифту.

Мне так отчаянно не хочется оставлять последнее слово за ним, что я поспешно кричу ему в спину:

— Кружевной торт!

Касл останавливается и оборачивается с вопросом во взгляде, безмолвно приглашая продолжить.

— Так назывался десерт, — объясняю я и широко улыба-

юсь.

Его губы сначала растягиваются в едва заметную улыбку, но по мере того как до него доходит смысл моих слов, смех становится громче. Ещё через пару секунд он уже хохочет в полный голос. Когда он наконец останавливается, то произносит:

— Теперь мой любимый, — произносит он. — Как и говорил.

И уходит.

ЛИССА

Бабочки в животе решили не просто пожить у меня. Они, похоже, официально сменили прописку.

Просыпаюсь в шесть утра, надеваю кроссовки и собираюсь на пробежку, как и положено взрослому человеку, который пытается взять свою жизнь под контроль. Но бабочки, зараза, переехали ещё и в задницу, поэтому бежать с ними становится просто невозможно. В наушниках звучит *Home — Tom Walker feat. Glockenbach*, которую я всегда подпеваю с удовольствием, но сегодня её ритм кажется лишним. Каждую минуту, каждый вдох — в голове только он. Высокий, крепкий, мускулистый и надменный до безобразия. И чертовски «своевременный» в самом худшем смысле этого сло-

ва.

Касл Рейнард. Или как его там?

Я ведь только начала налаживать свою личную жизнь, и вот он снова врывается в мой режим, как торнадо. Хотя, если быть честной до конца, в первый раз это я вторглась в его жизнь без приглашения и такта. Но он очень быстро выдал мне сдачу. Так, что я до сих пор помню каждый сантиметр этой сдачи.

И мне чертовски обидно, что мой первый раз случился именно так: поспешно, грубо, без нежности и без совместного завтрака на следующее утро.

И почему он должен был появиться именно сейчас, когда я наконец встретила Атрекса?

Атрексу двадцать восемь, он начинающий адвокат. Умный, немного застенчивый и спокойный. Но за внешней сдержанностью скрывается настоящий огонь. Спортивный, с мощными плечами, подтянутой спиной и руками, которые выдают в нём фаната спортзала. Короче, девочки, не парень, а конфетка. Надо брать.

Мне с ним спокойно и надёжно, но при этом внутри всё равно что-то мелко дрожит. За те пару чашек кофе, что мы выпили вместе, у меня сложилось впечатление, что Атрекс знает обо мне больше, чем я сама. Немного загадочный, и он мне по-настоящему нравится. Вот только как сосредоточиться на этом спокойствии, когда тебя снова сбивает с ног этот чёртов Касл?

После неудачной попытки побегать я возвращаюсь домой. Всё тело гудит от напряжения, и не столько физического, сколько эмоционального.

Я иду на кухню и почти машинально тянусь чайник. Но не успеваю даже открыть шкафчик, как чувствую насыщенный аромат кофе. Он уже налит и дожидается меня в любимой кружке. Я улыбаюсь. Такой маленький, но бесценный домашний момент.

— Без кофеина, как ты любишь, — раздаётся голос за моей спиной.

И он кажется мне магическим, потому что бабочки в животе сразу испаряются и улетают на каникулы, давая мне наконец-то расслабиться.

— Мама, — фыркаю я. — Я уже большая девочка. Мне можно и с кофеином.

Театрально хмурюсь, но мама лишь улыбается и поднимает бровь, словно говорит: «Ну-ну, рассказывай ещё». Она сияет, и эта её ослепительная улыбка разглаживает даже упрямые морщинки на лбу. Ей нравится, когда я называю её мамой. С тех пор как не стало папы, я делаю это почти каждый день.

Клэр не моя биологическая мать. Моя настоящая мама умерла, когда мне было только пару месяцев. Подарив мне жизнь, она ушла. Я знала её только по фотографиям, но всю жизнь, как бы глупо это ни звучало, ношу в себе чувство вины за то, что я живу, а она нет.

Папа растил меня один. У него не было родителей, а у меня — ни бабушки, ни дедушки. Он был один, но держался, пока в нашей жизни не появилась Клэр. Сначала просто няня. А потом мама.

Мне было двенадцать лет. Тот самый возраст, когда подозреваешь весь мир в заговоре. И да, признаю, меня вернуло наизнанку, когда я узнала, что мой папа, как бы это сказать так и скажу трахает мою няню. Я их застукала один раз. Согласитесь, сюжет для хорошей психологической драмы. Их лица в тот момент — лучше бы я их не видела. Травма на всю жизнь, но я справилась.

Мы все справились и стали настоящей семьёй.

После смерти папы Клэр сломалась. Сломалась даже больше, чем я. Прошло два года, а я всё ещё слышу, как по ночам она тихо плачет. Не громко. Просто плачет. Она любила его. И я уверена, любит до сих пор. Я иногда завидую. Хочу когда-нибудь любить так же — бесстрашно и безусловно.

Теперь мы вдвоём. И мы счастливы. Клэр ведёт отцовский бизнес — у папы было несколько филиалов с книжными магазинами, где можно найти редкие издания. Я же учусь в университете и подрабатываю переводчиком в «Translate This».

И как только я думаю о работе, мои мысли снова пере скакивают на Касла. Бабочки в животе возвращаются с подкреплением и начинают устраивать карнавал. Суки. Заколебали жужжать.

— Ты рано с пробежки, — замечает Клэр, ставя передо мной чашку.

— Не было настроения бегать дальше, — честно признаюсь я, делая глоток кофе. Горячий, крепкий, почти спасительный.

Она не сразу отвечает. Повисает напряжённая пауза. А потом тихо, почти шёпотом:

— Мне нужно кое-что тебе сказать.

Она опускает взгляд в пол. Ах, да, наша семейная традиция: смотреть в пол, когда что-то идёт не по плану. С достоинством передаём эту традицию из поколения в поколение, гордясь тем, что мы одни из немногих, кто в случае чего прячет голову в землю. Как страусы.

Я замечаю, как она сжала пальцы и как чуть дрогнули её плечи. Клэр явно нервничает. Не перебиваю её, а просто сижу молча, давая понять: я готова слушать. Что я всё выдержу и что я давно не ребёнок. В глазах моей Клэр появляется хрупкая благодарность, но она всё ещё не решается.

— Я — она делает паузу, потом ещё одну. — Понимаешь я Мысленно начинаю считать её бесконечные «я», но терпеливо жду. Клэр вдруг поднимает на меня глаза, полные слёз.

— Как же ты похожа на Роберта.

Роберт — это мой папа. Его имя до сих пор цепляет внутри. Я действительно похожа на него. Унаследовала его голубые глаза, светлые волосы и даже ту же полуулыбку, когда думаю о чём-то важном. Молчу, потому что уже привыкла к

этой боли. Она больше не такая острая, как раньше. Прошло два года. Я справилась, а вот Клэр нет.

Она делает глубокий вдох, будто решаясь на прыжок:
— Я влюбилась.

Её тело напрягается, как у школьницы на исповеди. А моё, наоборот, расслабляется. Я улыбаюсь ей широко и тепло. Настолько тепло, насколько вообще умею. Клэр в замешательстве, она явно не ожидала такой реакции. Её глаза чуть расширяются от удивления, когда я спокойно говорю:

— Фух. А я уж думала, ты скажешь, что залетела.

Она моргает в шоке. А потом смеётся сквозь слёзы таким звонким, настоящим и немного истеричным смехом.

А мне правда спокойно и тепло на душе. Моя Клэр снова светится, и от этого зрелища тяжесть бесследно уходит. Чёрт, если у неё всё сложится с этим мужчиной, я готова добровольно записаться в няньки к их сопливым малышам, какими бы гипотетическими они ни были. Я действительно счастлива за неё.

Клэр вытирает глаза салфеткой и глубоко вздыхает, будто скинула с плеч камень, который давил годами.

— Это произошло не специально, — смотрит на меня с опаской, будто боится увидеть осуждение. — Мы познакомились на одном из благотворительных вечеров. Он был партнёром папы по старому бизнес-проекту.

Я сразу напрягаюсь.

— Бизнес-партнёр папы? — повторяю я, слегка хмурясь.

— Он намного старше?

— Ну — она слегка смущается. — Старше меня, да. Но совсем не старик, если ты об этом. Ему чуть больше пятидесяти. Он умный и очень спокойный. Заботливый. И, Лисса, он такой внимательный

В голосе Клэр появляется та самая интонация, которую невозможно спутать ни с чем другим. Она влюблена.

Смотрю на неё. На её ожившие глаза, на руки, которые больше не дрожат, и на то, как выпрямились плечи. Эта женщина, которую я привыкла утешать по ночам, вдруг снова начала дышать полной грудью.

— И как его зовут, твоего «мистера заботливого»?

Клэр улыбается уголками губ — скромно, но не скрывая счастья.

— Эдвард. Эдвард Хартли. Помнишь, он как-то заходил к нам домой, когда тебе было четырнадцать? Они тогда с папой обсуждали реконструкцию здания музея.

— Высокий, с седыми висками и в кожаной куртке? — морщу лоб.

— Да, он самый, — она кивает, слегка смутившись. — Тогда он как раз разводился, но, клянусь, мы лишь разговаривали. Всё остальное случилось только пару месяцев назад.

Я понимаю, что она наконец-то дала себе шанс. Что после смерти папы она не потерялась, а снова начала жить.

— Мам, — я подхожу и обнимаю её. Крепко и без слов. Она улыбается как девочка. — Я правда рада за тебя. Се-

рьёзно. Он лучше тебя никого не найдёт.

— А если он предложит мне выйти за него замуж? — Клэр озорно смотрит на меня поверх кружки.

— Главное, не зови меня на девичник, — фыркаю я, отстраняясь. — Я не переносу розовые стразы и дрожащие мужские торсы в костюмах полицейских.

Она заливается смехом, и кухня снова наполняется теплом.

— Надеюсь, мне не нужно напоминать тебе, что после незащищённого секса появляются дети? — хмыкаю я.

Клэр смеётся, а я уже серьёзно добавляю:

— Я правда очень, очень счастлива за тебя.

Клэр обнимает меня крепко и горячо. Её плечи вздрагивают. На этот раз от слёз радости.

— Так боялась испортить наши с тобой отношения. Я так тебя люблю.

— Тоже тебя люблю, — шепчу в ответ. — И горжусь тобой. Тем, что ты смогла пройти через всё это и снова влюбиться.

Она отступает на шаг и вытирает глаза, пытаясь взять себя в руки.

— Пойдёшь с нами ужинать сегодня?

— Так это было заранее спланировано? — подмигиваю я.

Клэр снова смеётся. Честно, она такая красивая, когда смеётся. Живая. Словно снова нашла себя.

— Конечно, приду! Не могу же я упустить возможность

познакомиться с тем героем, который умудрился растопить сердце ледяной королевы.

— Эй! — фыркает она, смеясь ещё громче.

Разворачиваюсь и, направляясь к выходу из кухни, бросаю на ходу:

— Напиши мне название ресторана и время, а я пойду в душ, а то опаздываю на работу.

И пока шагаю прочь, мысленно улыбаюсь, потому что:

Клэр в порядке после смерти папы. И я в порядке от того, что она в порядке.

Беру сумку с материалами и выхожу из офиса. Мне сообщили, что мистер Рейнард ждёт на ресепшн.

Мистер Рейнард.

Никогда бы не подумала, что у такого человека, как Касл, может быть такая фамилия. Она ему ужасно не подходит. Словно не его.

Мои бабочки в животе носятся с такой скоростью, что, если они не успокоятся, я взлечу вместе с ними. Мысленно приказываю им: *«Успокоиться! Срочно! Служебный тон!»*

Подхожу ближе. Он стоит у стойки и разговаривает с Мишель. И да, он просто разговаривает. Не флиртует, не строит

глазки и не улыбается. Удивительно. Но почему, чёрт возьми, мне от этого так приятно?

Он стоит ко мне спиной, но, словно почувствовав моё приближение, резко разворачивается. Наши взгляды встречаются. Касл смотрит слишком пристально и слишком долго. Я заставляю себя держаться официально. Пусть работа не превращается в шоу «Вспомним, как это было». Приветствую его вежливо, сухо и по-деловому.

Он ничего не отвечает, лишь коротко кивает. Мы молча выходим из здания.

— Рад тебя видеть, Лисса.

— Для вас — мисс Грин, — отвечаю я, стараясь звучать подчёркнуто официально.

Он не спорит. Просто сокращает дистанцию так, что я чувствую жар его тела, и наклоняется к самому уху.

— Девочка Лисса... — его голос звучит низко, почти вибрирует у меня под кожей. — С золотистыми волосами.

— Мисс Грин, — упрямо повторяю я, хотя сердце уже предательски частит.

Он усмехается, но на этот раз в его взгляде нет насмешки. Настроение Касла кажется странным, почти игривым, но эта игра в кошки-мышки.

— Вы ведёте себя как в детском саду, мистер Рейнард, — бросаю я, пытаюсь вернуть себе контроль.

— А я люблю детей, — отвечает он вдруг совершенно серьёзно.

Наступает резкая, оглушительная пауза. Его маска светского льва на мгновение даёт трещину. В глубине глаз мелькнуло что-то тёмное. Тоска? Горечь? Что-то слишком настоящее для такого человека, как он. Но я чувствую: эти слова не были шуткой.

И мне, чёрт бы меня побрал, хочется сгладить этот момент.

— Уверена, где-то по миру точно бегают пара-тройка «маленьких Касликов», — шучу я, пытаюсь улыбнуться.

Ошибочка вышла. Лицо Касла каменеет, а взгляд становится ледяным. Молодец, Лисса. Вместо поддержки вогнала ему раскалённую спицу в открытую рану.

— Я бы никогда не бросил своих детей, — хрипло произносит он.

Он берёт меня за локоть — властно, не терпя возражений — и направляет к машине. Как воспитанная девушка, я инстинктивно тянусь к задней двери, решив спрятаться на заднем сиденье. Но Касл перехватывает мою руку и открывает переднюю дверь. Почти вталкивает меня в салон, лишая возможности дистанцироваться.

Что я такого сказала? Обычная же шутка. Почему он отреагировал так, будто я ударила его наотмашь?

Всю дорогу мы едем в тишине. Я краем глаза поглядываю на него. Сегодня, в отличие от прошлого раза, он идеальный водитель. Спокоен, собран и сосредоточен. На нём простая тёмная футболка, обтягивающая мускулистые руки, и обыч-

ные джинсы. И, чёрт возьми, он слишком сексуальный в этом наряде. Слишком.

— Тебе нравится то, что ты видишь? — вдруг спрашивает он, не отрывая взгляда от дороги.

Я от неожиданности едва не поперхнулась воздухом.

— Ты о чём?

— Я всегда чувствую, когда на меня смотрят.

— Да на что там смотреть? — фыркаю я. — И нет, мне не нравится то, что я вижу.

— То есть признаёшься, что пялилась?

— Не пялилась, а изучала объект своего внимания. — вскидываюсь я.

Он, конечно же, ухмыляется. Опять. Кажется, это его любимое упражнение для лицевых мышц.

Я жду, что мы приедем к его прежней квартире, но машина останавливается у массивных ворот. Они раскрываются как в кино, медленно и с пафосом, и я понимаю, что мы не просто приехали — мы въехали в другую реальность. Перед нами огромный современный особняк.

Дом был как из фильмов, где богатые одинокие мужчины с секретами запираются в своих роскошных убежищах и пьют дорогой виски под саундтрек Ханса Циммера. Тёмный фасад, строгая архитектура и высокий стеклянный вход, который сам по себе выглядит как вызов миру: *«Смотри, завидуй, но не прикасайся»*. Снаружи строгая геометрия, тёмный камень и идеально ровный газон, где каждая травинка,

видимо, проходит утреннюю медитацию и укладку.

Внутри... О, тут даже воздух другой.

Чистый, прохладный, с лёгкими нотками дерева, кофе и чего-то касловского. Наверное, так пахнет дорогая злость, приправленная сексуальностью. Всё современно, холодно, но с какой-то одержимой гармонией. Будто архитектор был в депрессии, но обладал безупречным вкусом.

Бла-бла-бла. Завидую, блин. Я тоже хочу такую избушку.

— Раздевайся, — буднично говорит он, проходя внутрь.

Я, к счастью, уже привыкла к его странным формулировкам и не хватаюсь за сердце:

— Что, вот так сразу? — улыбаюсь я ему. — Это таксируется по отдельному тарифу.

— Куртку и обувь, — добавляет он, тоже улыбаясь.

Ах, вот оно как. Ну да, как в храме, перед входом в святое убери всё человеческое.

— Так ты ещё и сказочно богат, оказывается, — бросаю я, задрав голову к пятиметровым потолкам. — Это всё слишком.

— Есть вещи куда важнее, чем нули на банковском счёте, Лисса, — спокойно отвечает Касл, не оборачиваясь.

— Легко проповедовать аскетизм, когда у тебя за спиной особняк из стекла и бетона. Сытый голодного не понимает. А голодные, между прочим, ещё не вымерли как вид.

Касл останавливается и медленно поворачивается ко мне. В его глазах не раздражение, а какая-то усталая мудрость че-

ловека, видевшего жизнь с изнанки.

— Я покажу тебе твоё рабочее место, — произносит он наконец.

— Что, совесть замучила? — не унимаюсь я. — Или правда глаза колет?

— С чего ты взяла?

— Ты слишком быстро свернул тему. Обычно так делают, когда нечего крыть.

— Спорить о морали с двадцатилетней девочкой — не моя забота. Это бессмысленная трата ресурсов, — говорит он и шагает дальше.

Мне, между прочем, уже двадцать один, но отвечаю дру-
гое:

— Конечно. Зачем переживать о тех, кого ты не знаешь, если можно купить ещё одну крутую тачку? — я киваю в сторону окна, где остался его сверкающий «зверь».

Касл резко разворачивается. Воздух между нами мгновенно наэлектризовывается. В его голосе больше нет спокойствия. Там ледяная сталь.

— Послушай, маленькая Мать Тереза. Если ты так пещёшься о мире, то начни с себя. Продай свои шмотки, откажись от гонорара за этот перевод и переведи всё в фонд помощи беженцам. Хочешь помогать — помогай молча. Но не читай лекций тем, о чьём — он внезапно замолкает, и я вижу, как на его шее перекачивается желвак. — Тем, о чьём прошлом ты не имеешь ни малейшего представления.

Я замираю. Эта запинка в середине фразы была красноречивее любого крика.

— Ты просто бессердечный циник, — шепчу я, хотя мой запал странным образом гаснет.

— А ты — девчонка, которая знает латынь лучше, чем современный этикет. *Verba volant, scripta manent* — «Слова улетают, написанное остаётся», вроде как? Ты нужна мне не для того, чтобы рассуждать о справедливости, а чтобы переводить текст. Так что хватит тратить моё время на пафосную болтовню, в которую ты сама не до конца веришь, и начинай уже делать свою работу.

Я едва удерживаюсь, чтобы не показать ему средний палец. Или не швырнуть в него тапок. Второй вариант был бы эффективнее, но я решаю сохранить лицо.

— Ладно, показывай. Удиви меня.

Он вскидывает бровь, но ничего не отвечает. Мы входим в комнату.

Слово «комната» слишком тесное для этого места. Просторный зал с головокружительно высокими потолками, утопающий в солнечном свете. Панорамные окна идут одно за другим, и кажется, что стекла здесь больше, чем стен. Повсюду зелень. Редкие растения, живые стены, аккуратные кашпо.

Это место дышит. И, что удивительно, дышит спокойно. В отличие от меня.

— Это ты всё придумал? — не удерживаюсь я.

Он пожимает плечами.

— Я просто сказал, что хочу тишину и пространство. Всё остальное сделали люди, которые умеют слушать.

В самом центре комнаты стоял массивный стол, а на нём лежала книга. Старая. Настолько, что её кожа будто впитала в себя века — тёмно-коричневая, с чуть стёртым золотым тиснением, тронутым временем. Я подошла ближе, как зачарованная. Да, сама книга ощущалась почти точно так же, как в сериале «Зачарованные» — древней и окутанной тайной. Переводить такое честь, но и огромная ответственность.

— Это она? — выдохнула я почти шёпотом, не в силах отвести взгляд.

— Она, — раздался позади голос Касла.

Он звучал тише обычного — отстранённо и немного задумчиво. Я слегка повернула голову, но так и не обернулась. Касл стоял за моей спиной, чуть левее, ближе, чем следовало, и ближе, чем позволялось. Он замер, словно статуя.

— Это не копия? — осторожно спросила я, не сводя глаз с потрёпанного переплёта.

— Оригинал, — ответил он.

Я чувствовала его тёплое, обволакивающее дыхание у самой шеи, как невидимое прикосновение.

— Сколько у меня времени на перевод?

— Столько, сколько понадобится.

— Великодушие из тебя прямо льётся, — фыркаю я и поворачиваюсь к нему.

Он приподнимает бровь.

— Неблагодарность — твой второй язык, не так ли? — спрашивает Касл.

— А я думала, это твой первый, — парирую я.

— Осторожнее, Лисса. С таким остроумием ты можешь сама себя поранить.

— Не переживай, не умру.

— А если умрёшь?

— Свечку поддержишь, — хмыкаю я, прищурившись.

Он цокает языком. Мой мрачный сарказм явно не пришёлся ему по вкусу.

— У тебя сарказм идёт в комплекте с вредностью? — в его голосе слышится лёгкое издевательство.

— Как и наглость.

— Ты опасное сочетание.

— Ещё скажи — взрывоопасное.

— А вдруг? — уголки его губ едва заметно приподнимаются.

— Ну, тогда тебе лучше не дышать так близко, — я улыбаюсь и снова тянусь к книге.

Но прежде чем мои пальцы касаются обложки, он внезапно хватает меня за запястье.

— Нельзя! — его голос теперь хриплый и жёсткий. Весь игривый тон исчез как по щелчку пальцев.

— Что такое? — я замираю, глядя на его пальцы, сжимающие мою руку.

— Прежде чем ты прикоснёшься к ней, нужно подписать контракт о неразглашении. Всё, что ты переведёшь, должно остаться в этом доме. Ни копий, ни записок, ни отправки на почту. Твой ноутбук тоже.

Возмущение не заставляет себя долго ждать:

— Что, прости?!

— То, что слышала, — бросает он спокойно, не утруждаясь быть хоть немного вежливым.

— Нет, *милый*, я не оставлю свой ноутбук здесь. У меня там вся моя жизнь, не только твоя книжка. Про другие переводы вообще молчу. Удивлю тебя, но ты не единственный такой неповторимый.

Я назвала его только что «милым»? И, разумеется, он не может просто так пропустить это слово:

— Милый? — его брови взлетают к самой макушке.

— Дорогой? — уточняю я с широкой улыбкой.

Он хмурится, явно не веря своим ушам, а я продолжаю издеваться:

— Котик? — ещё одна попытка.

Касл приближается почти вплотную и разглядывает меня таким «сейчас прикончу» взглядом долгие секунды. Согласна. Сегодня я какая-то бессмертная.

— Остальное можешь спрятать под паролем. Я не лезу в это. Или бери другой ноутбук — я оплачу, но этот перевод останется тут. Никакой работы на дому.

— Какие тайны ты прячешь, уважаемый мистер Рейнард?

— шурюсь я.

— Никаких. Просто я не делюсь тем, что принадлежит мне.

Произносит это спокойно, но взгляд остаётся цепким. Почему-то я чувствую, что речь не только про рукопись. Опять двойной смысл? Чёрт побери, с ним никогда ничего не бывает ясно до конца.

Касл подходит к столу, берёт лежащий рядом с книгой контракт и протягивает его мне. Только сейчас я замечаю, что документ всё это время был здесь — слишком увлеклась древним переплётом, чтобы видеть что-то ещё. Он молча разворачивается и направляется к выходу на террасу.

— Позови, когда прочтёшь, — бросает он через плечо, не оборачиваясь.

— Не нужно. Держи. Подписала, — я протягиваю ему бумагу, всё ещё влажную от чернил.

Он резко останавливается, разворачивается и неодобрительно качает головой.

— Либо ты читаешь с рекордной скоростью, Лисса, либо ты слишком наивна для этого города. Ты хоть понимаешь, что подпись без вникания в суть — это добровольная петля на шею? По этому договору я мог бы, например, запретить тебе заниматься переводами на ближайшие пять лет.

— Пять лет... — я мечтательно закатываю глаза, имитируя удовольствие. — Мне как раз нужен длительный отпуск. Год назад я перенесла психологическую травму, наподобие

неудачного сексуального опыта. Как раз подлечу нервы, — парирую я, выпрямляя спину. — А твой контракт — это просто юридический забор. Никакая бумага не удержит слова, если они захотят вырваться наружу.

Я делаю шаг к нему, сокращая дистанцию, и добавляю тише:

— *Quidquid latet, apparebit*. Всё, что скрыто, станет явным. Я здесь, чтобы переводить эту малышку, а не чтобы спорить о пунктах мелким шрифтом.

Касл замирает, и на мгновение в его взгляде вспыхивает что-то похожее на уважение. Или на предупреждение.

— *Audaces fortuna iuvat*, — произносит он почти вкрадчиво.

— «Смелым судьба помогает», — отвечаю я переводом.

— Надеюсь, твоя смелость не превратится в безрассудство.

Намёки?

Он продолжает смотреть на меня с осуждением и каким-то... дьявольским азартом. Но я подписывала десятки таких контрактов, и все они были практически идентичны. Что необычного может быть в этом? На всякий случай я прищуриваюсь и спрашиваю:

— Ну, надеюсь, ты не вписал туда чего-нибудь извращённого?

Лёгкое удивления во взгляде. Поясняю:

— Ну, вроде того, что я теперь твоя секс-рабыня или ка-

кой-нибудь сабмиссив. Сейчас это модно, между прочим.

Он смеётся. И это звучит неожиданно приятно.

— Нет. Но если бы я знал, что ты настолько беспечна, Лисса, обязательно добавил бы этот пункт.

— Упустил шанс, — парирую я с прищуром.

Он снова делает шаг ко мне, сокращая дистанцию до минимума. Мы на расстоянии одного вдоха. Его глаза изучают моё лицо, на мгновение задерживаясь на губах.

— Просто переводи, Лисса. И не пытайся анализировать смысл. Иногда знание хуже яда.

Я не отвожу взгляда, заставляя его смотреть мне в глаза.

— А ты? Ты уже отравился?

Он медленно выпрямляется, и на его губах появляется та самая знакомая, опасная улыбка. Наклонившись к моему уху, он шепчет:

— Давно. И я никогда не упускаю свои шансы, девочка Лисса.

С этими словами он забирает контракт. Его пальцы намеренно скользят по моей ладони — медленное, собственническое движение. Он выходит из комнаты, бросая через плечо:

— Удачи.

Я слишком ошеломлена этим лёгким прикосновением, чтобы сразу сообразить, что нужно ответить. Но дверь «джунглей» — так я мысленно уже окрестила этот зелёный кабинет — не успевает закрыться, как снова распаивается.

— Кофе хочешь?

Я отрицательно качаю головой.

— Воды?

Снова нет.

— Экскурсию по дому?

— Нет, спасибо. Я пришла работать, а не прохладиться,

— отвечаю чуть резче, чем того требует вежливость.

Он не замечает, или делает вид, что не замечает.

— Кстати, если захочешь прохладиться, у меня отличный бассейн.

— Я не умею плавать, — вру. Я хороший пловец. Не спец

— но пловец. Но сейчас мне меньше всего хочется продемонстрировать ему свой купальник.

— Я научу.

— Я плохой ученик.

— А я хороший учитель.

Он замолкает, ожидая моего ответа, но я лишь смущённо улыбаюсь и сохраняю молчание. Несколько долгих секунд он пристально меня разглядывает, словно он пытается прочесть что-то между строк.

— Хочу в холодный душ, — отвечаю я ему, легко наклоня голову набок, и приглашая его в глубокую для него дискуссию.

— Тебе будет там слишком холодно, Лисса, — парирует он, принимая вызов. Он не приглашает меня в свой «душ», но его голос становится низким. — Ты не привыкла к таким температурам.

Теперь его очередь наклонить голову, ожидая продолжения. Но я молчу. В горле пересохло, а в голове набатом бьёт только одна мысль: *Что я творю?*

Так и не дождавшись ответа, Касл просто поворачивается и уходит.

Бессильно опускаюсь на стул.

— Я не смогу это делать, — шепчу я в пустоту кабинета.

Глава 5. Дополнительная невидимая конечность

*« Мужчина, который не
может сделать женщину злой, не сможет
сделать её и счастливой»
Народная мудрость*

КАСЛ

Целый день она просидела в кабинете, выходя только дважды. Сначала — найти дамскую комнату, так и говорила. Потом, смущённо опустив глаза, призналась, что проголодалась. Я сказал ей, что обед давно ждёт. Но, если быть честным, меня волновало не это.

Меня раздирало нетерпение узнать, о чём эта чёртова книга. Вернее, интересовал один-единственный вопрос: возможно ли рождение детей между нашими расами?

На моей планете все дети за последние десятилетия появлялись на свет исключительно в лабораториях. Словно некая внешняя сила просто нажала на выключатель, прекратив жизнь. И эти дети не были полноценными. Мы называем

их «другими».

Началось с «Парадокса».

Всё пошло к чертям, когда ось нашей планеты изменила наклон всего на $0,08^\circ$. Ничтожная цифра, но биосфера среагировала мгновенно, и репродуктивный баланс был разрушен. Сбой был не взрывным, а постепенным. В течение пары лет женщины ещё могли вынашивать плод, но затем наступила тишина.

Генетическое бесплодие, вызванное глобальной перестройкой гормонального фона и мутациями в митохондриальной ДНК. Так говорят наши учёные. Мы перепробовали всё: стимуляцию клеточных ядер, пересадку тканей, нанокоррекцию. Ноль. Репродуктивность нашей расы исчезла, и теперь мы на грани вымирания.

А потом они вспомнили про Землю и сделали открытие. Человеческие женщины оказались единственными в галактическом радиусе, чья ДНК теоретически способна вступить в реакцию с нашей. Однако даже в этом случае зачатие требовало множества генетических правок. Никакого места для страсти, связи или близости. Только расчёты.

Дети, рождённые таким путём, оказываются другими. Физически слабее нас. Медленны, быстро устают и не выдерживают наших стандартных нагрузок. И, что самое важное, они не развивают энергетический поток — ту самую «дополнительную невидимую конечность», отличающую наш вид. По сути, они остаются людьми: немного сильнее, быстрее, круп-

нее, но людьми. Поэтому смысл в их создании исчез.

Меня зовут Касл. Один из главнокомандующих Омеги и один из последних «чистокровных» — паскудное слово. Мы последнее поколение, рождённое ещё в утробах матерей.

И вот я здесь.

На планете, которую не считаю своей, в теле, которое вынужден адаптировать под человеческие мерки. Конфигурировать, как говорит Баар.

Наша цель — найти «удачный эксперимент». Женщину. Единственную, чья совместимость даст жизнь ребёнку, способному контролировать энергетический поток. Звучит уже фантастически, потому что время уходит, и я никого не нашёл.

Мы никого не нашли. За столько сотен лет. Я ведь не первый тут.

Возможно, эта книга и есть ключ.

Учёные фанатично верят в ген, который называют «Хамелеон» — как банально. Ген адаптации, позволяющий не только зачать, но и выносить плод при другой гравитации. Только где он, мать вашу? Столько теорий и ноль результата. Две расы, настолько похожие внешне, что почти не отличишь, и настолько несовместимые внутри.

Они утверждают, что такие женщины существуют. Генетически модифицированные эволюцией. С чего они вообще должны были эволюционировать? У них планета другая.

Более полувека я и моя команда живём на Земле, всё ещё

в экспериментальной фазе. Интегрировались в их общество. Собственные лаборатории, корпорации, банки и предприятия. На нас работают даже люди, прекрасно осознавая, кем мы являемся. Есть и благотворительные фонды — те самые, о которых вопила Лисса — и всё это лишь ради наблюдения, поиска и исследования. И каждый раз одно и то же: связи, ожидания, анализы и снова энергетическая несовместимость. И слёзы.

Я так чертовски устал. Хм. Как это по-человечески. Устать.

Но я всё так же хочу «хэппи-энда» для своего вида. Крошечное существо в руках, которому можно рассказывать сказки про космос. Здесь так делают — рассказывают сказки на ночь. Люди даже не осознают, каким богатством владеют: способностью видеть, как растёт их продолжение. Их простая радость — это то, что мы потеряли. Я завидую им.

А вдруг всё это ошибка? Вдруг никакого гена-хамелеона нет? Вдруг это фантазия одного бездарного учёного, чью книгу сейчас переводит эта девчонка?

Вопросы. Миллиард вопросов.

Бросить бы всё к чёрту, но долг сжимает горло и вопит. *«Ты ждал много лет, Касл. Подождёшь ещё».*

У меня крепкая выдержка. Её тщательно прививали, и досталась она мне высокой ценой. В конце концов, речь идёт не обо мне, а о выживании целой расы.

А пока — эта чёртова книга.

Я едва её достал. Старая, потрёпанная, по мнению моих аналитиков — очередной бесполезный хлам. Но что-то внутри шепчет: в ней есть ответы. Возможно, самые важные за все эти годы. Чтобы найти её, пришлось перерыть сотни архивов. Месяцы поисков, фальшивых отчётов и поддельных разрешений. Всё ради нескольких страниц и едва уловимого намёка, написанного на мёртвой латыни.

Как же я жалок, б**ть. Начал цепляться за догадки и древние обряды, как утопающий за воздух. Это уже не рационально. Что-то на грани животного инстинкта. Но терять мне нечего, так что остаётся слушаться чутья.

Люди говорят, что иногда нужно доверять шестому чувству. Я слишком долго живу среди них, чтобы не понять очевидного: часто они оказываются правы. Слишком много их выражений осело в голове. «Седые волосы от переживаний» — смешно. У нас волосы не седеют, но звучит эффектно.

Мы стареем иначе и живём дольше. Развитие нашего организма замирает где-то между тридцатью пятью и пятьюдесятью годами по земным меркам. Настоящее, необратимое старение начинается гораздо позже.

Грёбанные эльфы.

Такие же высокие, сильные и быстрые. Жаль, уши не острые. По меркам Омеги, мы с командой всё ещё очень молоды. Некие Леголасы такие.

Возвращаюсь мыслями в настоящее и вынырываю со дна бассейна. Вода — единственное место, где мне спокойно.

Почти как на моей планете.

На Омеге много воды. Безумно много. Но самое главное не это.

Самое главное — энергия.

Вся поверхность моей планеты покрыта сетью энергетических каналов — тонких, невидимых глазу линий, по которым пульсирует импульс. Учёные Земли назвали бы это геомагнитными пульсациями, но для омеговцев это дыхание планеты. Энергетические воронки образуются там, где каналы пересекаются. В этих местах воздух вибрирует, а пространство искажается. Иногда едва ощутимо, иногда так сильно, что там случаются временные «разрывы» — миниатюрные переходы, позволяющие мгновенно попасть в другие уголки планеты. Мы умеем чувствовать эти потоки и используем их.

Но здесь, на Земле, мне настолько не хватает энергии, что хочется быть волком на луну. На все три луны сразу. Ах да, здесь она всего одна.

Во мне умирает чёртгов писатель.

Достаю телефон и пишу моей вредной переводчице: *«Мне нужен пароль от твоего ноутбука»*.

Нагловато, согласен. Но гонорар с избытком покроеет её «моральные неудобства». Да и я сегодня не в настроении для дипломатии.

Ответ приходит почти мгновенно.

Лисса: «Это личное».

Интерес начинает разъедать изнутри, и темпераментный

самурай во мне, которого я сдерживаю всю свою жизнь, довольно потирает руки. Сейчас будет резня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.